

**Ингушский научно-исследовательский институт
гуманитарных исследований им. Ч. Ахриева**

**Кавказоведение: научные традиции
и современность**

Материалы межрегиональной научной конференции,
посвященной 110-летию со дня рождения Е.И. Крупнова
(15 апреля 2014 г., г. Магас)

*Рекомендовано к изданию Ученым советом Ингушского НИИ
гуманитарных наук им. Чаха Ахриева
25 ноября 2014 г.*

Ответственный редактор Н.Д. Кодзоев

Редакционная коллегия:

С.Б. Бурков, У.Б. Гадиев, М.Б. Долгиева, М.А. Матиев, Х.А.
Накастоев.

Магас - Кисловодск, 2014. - 116 с.

В настоящий сборник включены материалы конференции, прошедшей 15 апреля 2014 г. в Ингушском научно-исследовательском институте гуманитарных наук им. Чаха Ахриева, посвященной 110-летию выдающегося ученого, кавказоведа Евгения Игнатьевича Крупнова (1904-1970 гг.). Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-89421-126-8

Евгений Игнатъевич Крупнов
(1904-1970)

Предисловие

15 апреля 2014 г. в г. Магас в Ингушском научно-исследовательском институте гуманитарных наук им. Чаха Ахриева прошла межрегиональная научная конференция «Кавказоведение: научные традиции и современность», посвященная 110-летию Е.И. Крупнова – видного отечественного ученого, известного археолога, кавказоведа с мировым именем.

Евгений Игнатьевич Крупнов в последние годы своей жизни трудился научным сотрудником Государственного исторического музея (ГИМ) в Москве и в Институте истории материальной культуры АН СССР (ИИМК). Именно благодаря Е.И. Крупнову была создана московская школа археологического кавказоведения. Ему принадлежит свыше 220 печатных научных трудов. Евгений Игнатьевич прожил большую жизнь, в которой немалое место принадлежало Ингушетии.

В работе конференции приняли участие представители института, сотрудники Государственной архивной службы, Археологического центра при Министерстве культуры Республики Ингушетия, Национальной библиотеки РИ, а также ученые из соседних регионов. Также на конференцию прислали свои статьи ученые из разных регионов России и Абхазии.

В предлагаемый сборник вошло 12 статей. Среди авторов – ученые и специалисты, известные не только в республике, но и за ее пределами, а также аспиранты, делающие первые шаги в науке.

Сборник весьма представляет спектр научного поиска участников конференции, отражающий достижения и перспективы исторической науки, которой посвятил свою жизнь Е.И. Крупнов.

Открывается сборник статьей ученика и соратника Евгения Игнатьевича, известного российского археолога, доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента РАН, заслуженного деятеля науки РФ

Рауфа Магомедовича Мунчаева, посвященной жизни и научной деятельности Е.И. Крупнова.

Работы докторов исторических наук М.Х. Багаева, З.М-Т. Дзараховой и кандидата исторических наук М.Б. Долгиевой также посвящены жизни и научному творчеству Е.И. Крупнова.

В статье С.Б. Буркова представлено большое количество материалов, опубликованных в научных, научно-популярных изданиях и средствах массовой информации, связанных с многогранной деятельностью Е.И. Крупнова.

В работе М.А. Матиева приводятся сведения о вкладе, внесенном Е.И. Крупновым в изучение ингушского фольклора.

Статья исследователей из Абхазии А.И. Джопуа и В.А. Ньюшкова посвящена вкладу учеников Е.И. Крупнова – В.В. Бжания и О.Х. Бгажбы в изучение археологии Абхазии.

В статье У.Б. Гадиева «Е.И. Крупнов и христианские памятники Ингушетии» приводятся сведения об открытом недавно в Горной Ингушетии нового памятника христианства – небольшого одноапсидного храма.

Статья Т.А-Х. Дзауровой посвящена вкладу соратника Е.И. Крупнова, кавказоведа, этнографа и художника Ивана Павловича Щеблыкина в дело изучения памятников Ингушетии.

В статье заведующего отделом истории Ингушетии Ингушского НИИ ГН Н.Д. Кодзоева речь идет о племени хамекитов, упоминаемых в «Географии» Страбона, которым также уделил внимание Е.И. Крупнов.

Старший научный сотрудник отдела фольклора и этнографии Ингушского НИИ ГН Б.А. Хайров посвятил свою статью проблеме лингвистических соответствий в шумерском и ингушском языках.

В работе старшего научного сотрудника отдела этнологии Ингушского НИИ ГН Сагова Р.З. представлена авторская версия происхождения ингушей по материалам археологии и антропологии.

Материалы сборника рассчитаны на историков, пре-

подавателей истории, студентов, аспирантов, краеведов и всех, кто интересуется историей народов Северного Кавказа.

**Е.И. Крупнов – выдающийся российский кавказовед
(к 110-летию со дня рождения)**

Р.М. Мунчаев

Хорошо известно, что имя Е.И. Крупнова составляет целую эпоху в развитии советского и российского кавказоведения. Придя в науку в начале 30-х годов XX в., Е.И. Крупнов посвятил себя целиком изучению Кавказа. Вы знаете, что к тому времени кавказоведение уже довольно успешно развивалось в Санкт-Петербурге. Достаточно при этом вспомнить только имена И.Я. Марра, И.А. Орбели, а затем и Б.Б. Пиотровского. А.А. Иессена и др. В Москве же традиций кавказоведения практически не было. Создавать московскую школу археологического кавказоведения пришлось именно Е.И. Крупнову. И долгое время, вплоть до середины 50-х годов, пока не была создана школа Е.И. Крупнова, он оставался единственным археологом – кавказоведом в Москве.

Путь Е.И. Крупнова в археологию был не простым и начинался на Северном Кавказе. Здесь, в Северной Осетии, г. Моздоке, он родился 16 марта 1904 г. Отец его был выходцем из крестьян Московской губернии, а мать – терской казачкой. В их семье было четверо детей – два брата и две сестры. Мне посчастливилось знать всех их и не раз посещать их дом во время пребывания в Моздоке. С детства он был приучен к труду: где и кем только он не поработал в юности, от батрака и землекопа до рабочего на нефтепромыслах в г. Грозном и т. д.

В 1924 г. Е.И. Крупнов поступает на этнологическое отделение педагогического института в г. Владикавказе. Уже в студенческие годы определился его интерес к древней и средневековой истории и культуре народов Северного Кавказа, и он начал принимать участие в историко-археологических экспедициях, проводимых его учителем, известным кавказоведом Л.П. Семёновым на территории Северной Осетии и Ингушетии.

Поняв, что без серьёзной археологической подготовки заниматься изучением истории и культуры Кавказа невозможно, Евгений Игнатьевич в 1927 г. переводится на историко-археологическое отделение Московского университета. Здесь под руководством выдающегося российского археолога В.А. Городцова Е.И. Крупнов сформировался как профессиональный полевой исследователь и археолог-аналитик.

После окончания университета в 1930 г. Е.И. Крупнов поступает на работу в Государственный исторический музей – ГИМ, где работали тогда все ведущие археологи Москвы, также ученики В.А. Городцова – А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, С.В. Киселёв, Д.А. Крайнов, Б.А. Рыбаков, А.П. Смирнов и др. Там он проработал до середины 50-х годов и вырос в крупного ученого – признанного специалиста по археологии Кавказа. В ГИМ-е он подготовил и издал первую свою научную работу и организовал самостоятельную археологическую экспедицию в Западную Грузию в 1933 г.

Первые его экспедиции на Северный Кавказ начались в 1935 г. В 1937 г. Е.И. Крупнов был принят по совместительству на работу в Институт истории материальной культуры – Институт археологии АН СССР – РАН, где проработал до конца своей жизни. Его полевой деятельностью в предвоенные годы были охвачены Северная Осетия и особенно Ингушетия, где им были открыты и раскопаны целые группы средневековых и более ранних памятников.

Наряду с изучением Ингушетии Евгений Игнатьевич приступил в середине 30-х годов к исследованию древних памятников Северной Осетии, особенно её высокогорных районов. Забегая вперёд отмечу, что именно с того времени, когда он провёл в Осетии раскопки различных памятников бронзового века, у него пробуждается подлинный интерес к изучению знаменитой кобанской культуры Северного Кавказа эпохи поздней бронзы и раннего железа. Для него быстро стало очевидным что кобанская культура уходит корнями в глубокую древность, она возникла на Северном Кавказе не на «пустом месте» и не была занесена

сюда со стороны, а сложилась в результате многовекового культурно-исторического развития. Изучая средневековую культуру Ингушетии и памятники эпохи бронзы Северной Осетии, Е.И. Крупнов не мог не видеть, как многое в культурах народов Центрального Кавказа замыкается на кобанской культуре и без разностороннего исследования её феномена невозможно изучить историю Северного Кавказа в целом и нельзя понять некоторые важные аспекты этнокультурного и духовного развития народов этого уникального края в эпоху средневековья.

Евгений Игнатьевич продолжал активно наращивать свой научный потенциал, расширяя хронологически и территориально круг проводимых исследований. По его публикациям 1933-1941 гг. хорошо видно, что каждый шаг своей научной деятельности он отмечал печатной работой. Среди трудов Е.И. Крупнова, изданных в предвоенные годы, следует особо выделить работу о могильнике у сел. Каякент в Дагестане. Он был раскопан еще в 1898 г. В.И. Долбежевым и материал из его 34 погребений хранился в ГИМ-е. Е.И. Крупнов издал весь этот материал и правильно интерпретировал этот могильник как памятник позднебронзового века. Более того, он показал, что данный памятник полностью идентичен по обряду захоронения и представленному в нём инвентарю с раскопанным в конце 30-х годов XX в. А.П. Кругловым могильником с у с. Харачой в горной Чечне. Собственно, после публикации Е.И. Крупновым этого могильника культура Дагестана и Чечни эпохи поздней бронзы стала называться в науке каякентско-харачоевской.

К началу Великой отечественной войны Е.И. Крупновым было подготовлено первое в кавказоведении исследование по истории Ингушетии с древнейших времён до XVIII века с использованием как археологического, так и обширного этнографического материала. Он представил его в МГУ к защите в качестве кандидатской диссертации и сам вместе со своими товарищами ушёл добровольцем на фронт в 1941 г. Получив ранение на фронте, он попал в госпиталь,

откуда был отпущен на защиту диссертации, которая состоялась в октябре 1941 г. в Московском университете. После защиты диссертации и выздоровления с декабря 1941 г. по август 1945 г. Е.И. Крупнов продолжал служить солдатом в рядах Советской армии.

Демобилизовавшись из армии, он возвращается на работу в ГИМ и ИИМК АН СССР и целиком окунается в научную работу. Начинается второй, послевоенный период творческого пути Е.И. Крупнова, наполненный большими открытиями и крупными достижениями в научной, научно-организационной и общественной деятельности. Начатые им археологические изыскания охватили теперь, кроме Ингушетии и Северной Осетии, также Кабардино-Балкарию, Дагестан, Северо-Западный Прикаспий, восточные районы Ставрополя, Пятигорье и, наконец, территорию Чечни. В 1946-1949 гг., в частности, руководимая Е.И. Крупновым экспедиция проводит в Кабардино-Балкарии широкие разведки и исследует погребения майкопской культуры (IV-III тыс. до н.э.), комплексы северокавказской культуры (III-II тыс. до н.э.), могильники кобанской культуры (конец II – первая половина I тыс. до н.э.) и средневековые памятники. На основании их изучения Е.И. Крупнов издаёт целый ряд публикаций по археологии Центрального Кавказа, а затем и обобщающий труд «Древняя история и культура Кабарды» (М., «Наука», 1957 г.). Не вдаваясь в анализ всех аспектов отмеченного труда, следует подчеркнуть тот существенный факт, что именно Е.И. Крупнов, обобщив все известные к середине 50-х годов материалы из Кабардино-Балкарии по эпохе ранней бронзы, поставил вопрос о необходимости объединить эти и связанные с ними в культурно-хронологическом отношении другие памятники Северного Кавказа в понятие «майкопская культура». Именно с тех пор культура раннебронзового века Северного Кавказа называется в науке майкопской культурой.

В 1947 г. Е.И. Крупнова приглашают копать в Дагестан. Проведённые им раскопки могильника у с. Тарки близ г. Махачкалы засвидетельствовали впервые факт проникно-

вения в I-II вв. н.э. сарматов столь далеко на юг – в прикаспийскую часть Дагестана. На могильнике в Тарках оказались не только захоронения местного населения, но и погребения пришлых и осевших здесь ираноязычных кочевников – сармат. Это стало новым словом в науке, неизвестной до этого страницей в истории Дагестана и Кавказа. Кстати, учитывая большую научную значимость этого факта, Е.И. Крупнов предложил продолжить его работы в Дагестане ведущему в стране специалисту по сарматской археологии К.Ф. Смирнову. Успехи же Константина Федоровича в изучении памятников сармато-албанского периода в Дагестане и тот вклад, который он внёс в изучение Дагестана и Северного Кавказа в целом хорошо известны и мне нет необходимости на них останавливаться здесь.

Отметим также, что в конце 40-х годов Евгений Игнатьевич завершил начатые им еще до войны исследования Нестеровского могильника середины 1 тыс. до н.э., а с 1952 г. начал там же в Ингушетии раскопки известного ныне Лугового могильника, датирующегося, как и Нестеровский, тем же временем. В течение последующих нескольких сезонов Луговой могильник был полностью вскрыт. До сих пор этот могильник, где раскопано свыше 160 погребений, остаётся наиболее крупным из исследованных на Северном Кавказе погребальных памятников кобанской культуры.

В процессе раскопок Лугового могильника было выяснено, что он был устроен на месте существовавшего здесь в эпоху ранней бронзы поселения. Материалы последнего показали синкретический характер представленной им культуры. С одной стороны, там наличествовали выразительные элементы майкопской культуры, а с другой – куро-аракской. До этого археология Кавказа не знала памятников с таким сочетанием культурных традиций Северного Кавказа и Закавказья. В результате его открытия заметно изменились представления, как об ареале отмеченных культур, так и об их взаимодействии и взаимовлиянии. В частности, его открытие убедительно доказало факт проникновения на данную территорию Северного Кавказа не

только известной культуры раннебронзового века Предкавказья – майкопской, но и синхронной ей куро-аракской культуры Закавказья и Северо-Восточного Кавказа. Это позволило Е.И. Крупнову впервые в кавказоведении поставить вопрос о возможном единстве древнейших культур Закавказья и Северного Кавказа.

Одновременно с раскопками в с. Луговом (ныне с. Мужичи) в Ингушетии и разведками в Северо-Западном Прикаспии экспедиция Е.И. Крупнова в 1957-1962 гг. провела широкомасштабные работы в Северной Осетии. Там, в районе ст. Эльхотово-Змейское, впервые было раскопано поселение кобанской культуры, проведено изучение обширного катакомбного могильника XI-XII вв. и одного из наиболее крупных городищ Центрального Предкавказья – «Верхний Джулат». В итоге изучения материалов этих памятников, Е.И. Крупнову удалось впервые поставить в широком аспекте проблему связей Северного Кавказа с Древней Русью и отождествить Верхнее-Джулатское городище с упоминаемым в древнерусских летописях со «славным яским городом Дедяковым».

Позволю немного отвлечься и отметить здесь и некоторые другие важные дела, связанные с именем Е.И. Крупнова и приведшие к весьма значимым результатам. Достаточно сказать, что Е.И. Крупнову пришлось быть организатором и первым руководителем одной из крупнейших новострочных экспедиций нашего института в 1951-1954 гг. в зоне сооружения Сталинградской ГЭС в Нижнем Поволжье.

Укажу еще, что благодаря усилиям Евгения Игнатьевича в первую очередь была организована первая российская экспедиция в Месопотамию. Именно после его поездки в Багдад в 1966 г. на открытие Национального археологического музея Ирака, он выступил инициатором и активно взялся за организацию российской экспедиции в междуречье Тигра и Евфрата, которая начала свои исследования там уже весной 1969 г. Евгений Игнатьевич должен был возглавить эту экспедицию, но всё ухудшающее здоровье помешало этому. Правда, он успел всё таки порадоваться

первым результатам нашей месопотамской экспедиции.

Но вернёмся на Кавказ, который оставался всегда основным делом жизни Е.И. Крупнова. Он проводил полевые работы не только в предгорных и горных районах Северного Кавказа. Ему принадлежит исключительная заслуга в начале археологического изучения обширной, ныне полупустынной территории Северо-Западного Прикаспия. В итоге его многолетних разведочных работ в этом регионе Восточного Предкавказья удалось собрать обширные коллекции материалов по неолиту, эпохе бронзы, раннежелезному веку и средневековью. Установив причины, приведшие к запустению этого интересного края, Е.И. Крупнов поставил вопрос о возможности и необходимости экономического возрождения данного региона страны.

Евгений Игнатьевич был человеком истинного гражданского долга. Когда в 1956 г. была восстановлена историческая справедливость и чеченцы, ингуши и другие народы Северного Кавказа, подвергшиеся в годы войны депортации, начали возвращаться из Средней Азии и Казахстана на родные земли, он активно включился в работу по возрождению Чечено-Ингушской Республики. Учитывая, что восточная часть республики, т.е. территория собственно Чечни представляла собой по существу наименее изученную в историко-археологическом отношении область Кавказа, Е.И. Крупнов ставит её исследование как самую приоритетную задачу и принимает решение перебазировать основные работы возглавляемой им Северокавказской экспедиции именно в данный регион. Разработанная им программа предполагала сплошное обследование Чечни, особенно её предгорной и горной части. Он не только руководил и сам лично участвовал в этих работах. Известно, что никогда до этого ни одна область Кавказа не была подвергнута столь широкому археологическому изучению. Здесь, в Чечне постоянно работали от трёх до пяти отрядов экспедиции Е.И. Крупнова, обследовавших памятники почти всех культурно-исторических эпох, начиная с палеолита. Целый ряд памятников на равнине, в предгорьях и горах

Чечни подверглись многолетним стационарным исследованиям. Из памятников бронзового века отмечу курганы у ст. Мекенская на Тереке, Гатын-Калинский могильник в горной Чечне и особенно Бамутский могильник в предгорьях. В последнем, например, было раскопано около 50 курганов, содержащих свыше 250 погребений. В 18 курганах древнейшие погребения принадлежали майкопской культуре. До этого никогда на Северном Кавказе в одном могильнике такого количества комплексов майкопской культуры не было исследовано. В итоге их раскопок, в частности стал совершенно очевиден факт широкого распространения майкопской культуры в данную область Северо-Восточного Кавказа, т.е. столь глубоко на юг, вплоть до границы с Дагестаном.

Здесь, в Чечне экспедицией под руководством Е.И. Крупнова были проведены столь значительные работы и получены такие важные данные, что просто невозможно в одном докладе их даже кратко перечислить. Но не отметить здесь Сержень-Юрт, невозможно. В районе этого известного чеченского аула в течение почти 20 лет изучалась группа взаимосвязанных в культурно-хронологическом отношении памятников. Наиболее значительным раскопкам подверглись Сержень-Юртовское 1-е поселение и могильник, относящиеся к концу II – первой половине I тыс. до н.э. Подчеркну, что до сих пор ни в Чечне, ни на Северном Кавказе в целом нет столь полно исследованного бытового памятника, как Сержень-Юртовское поселение. К настоящему времени удалось ввести в научный оборот не только все категории обнаруженных в памятниках Сержень-Юрта археологических материалов, но и издать целую серию обобщающих трудов, основанных на них. И последней в этой серии следует признать только что вышедшую из печати монографию «Кобанская культура и окружающий мир». Все эти труды принадлежат ученице и продолжательнице дела Е.И. Крупнова В.И. Козенковой.

Благодаря широким и многолетним полевым исследованиям Е.И. Крупнова удалось не только изучить основные

этапы культурно-исторического развития многих народов Северного Кавказа с древнейших времён до позднего средневековья, но и осмыслить в культурно-хронологическом отношении значительные группы впервые исследованных на Северном Кавказе археологических памятников и определить их место в системе кавказских и восточноевропейских древностей.

Намеченная и осуществлённая под руководством Е.И. Крупнова задача археологического изучения Чечни стала венцом его жизненной программы – программы ученого и гражданина. Мне посчастливилось в те незабываемые годы (с 1952 по 1967) быть рядом с Е.И. Крупновым и помогать ему в реализации разработанной им программы изучения археологии Северного Кавказа и прежде всего Чечни. Все мы, сотрудники его экспедиции не могли не удивляться тому, откуда он брал силы и находил время, чтобы выполнить ту громадную и разностороннюю работу, которая постоянно ложилась на его плечи. Ведь он не ограничивался одной полевой, экспедиционной работой. Не менее многогранна и плодотворна была его общественная, научно-организационная и особенно научная деятельность. В течение десяти весьма сложных и напряжённых лет (1951-1960 гг.) он являлся заместителем директора, а фактически директором ИИМК АН СССР. А затем до конца своей жизни ему пришлось возглавлять одно из крупных подразделений Института – Отдел неолита и бронзового века.

Е.И. Крупнову принадлежит свыше 220 печатных научных трудов. Среди них выделим, прежде всего, получившее широкую известность и международное признание капитальное исследование «Древняя история Северного Кавказа» (М., «Наука», 1960 г.). Как известно, этот выдающийся труд был в 1963 г. удостоен высокой Ленинской премии – самой высшей премии нашей страны. Необходимо отметить здесь также и посмертно изданную монографию Е.И. Крупнова «Средневековая Ингушетия» (М., «Наука», 1971 г.). Она представляет собой итог более чем тридцатилетних работ автора по изучению истории и культуры

этого замечательного края Северного Кавказа. Кстати, совсем недавно эта книга переиздана в Ингушетии довольно большим тиражом.

Необходимо отдать должное Евгению Игнатьевичу и за то, что он никогда не оставался в стороне от участия в научных дискуссиях по различным и важнейшим проблемам кавказоведения. Не касаясь, например, проблемы времени возникновения нартского эпоса Северного Кавказа и других важных вопросов, укажу лишь одну проблему, остающуюся и до сих пор дискуссионной, проблему происхождения осетинского народа. Феномен его заключается в том, что проживая в центральной части Кавказа и обладая кавказской материальной культурой и кавказскими антропологическими чертами, осетины говорят не на кавказском языке, а на далёком от него иранском или, другими словами, индоевропейском языке. Суть проблемы – как такое могло произойти, чем объясняется такая двуприродность осетинского народа? Всем очевидно, какая это сложнейшая проблема. И Е.И. Крупнов старался вникнуть в неё и периодически выступал, излагая своё мнение по данному вопросу.

Следует сказать, наконец, что одной из крупных заслуг Е.И. Крупнова перед отечественной наукой является, несомненно, создание им школы археологического кавказоведения. Я, как его ученик, горжусь тем, что принадлежу к этой школе. У него обучались свыше 20 аспирантов. Среди учеников Евгения Игнатьевича целая группа докторов исторических наук, есть члены-корреспонденты РАН и Национальной академии наук Азербайджана и академики. Они и их ученики, работающие ныне как в Москве, так и в научных центрах, музеях и ВУЗ-ах Северного Кавказа и Закавказья, успешно трудятся и продолжают дело Е.И. Крупнова.

Чтобы увековечить память Е.И. Крупнова, было принято решение проводить систематически «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Начиная с 1971 г. организовано уже 27 таких чтений. Они прошли, кро-

ме Москвы, во многих городах Северного Кавказа. XXVIII «Крупновские чтения», посвященные 110-летию со дня рождения Е.И. Крупнова, открылись в Москве настоящим докладом в текущем году.

Евгений Игнатьевич был не только крупным ученым и организатором науки, гражданином в самом высоком значении этого слова, но и прекрасным учителем, великолепным семьянином и преданным другом, добрым и очень отзывчивым человеком. Я не могу не быть благодарен судьбе за то, что она даровала мне такого учителя и наставника, как Е.И. Крупнов. Я его первый ученик и горжусь тем, что имел возможность много лет быть рядом с ним, расти и работать под его руководством, учиться у него жизни и науке. Он скончался 29 сентября 1970 г. скоропостижно в результате инфаркта и похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище, почти рядом со своим учителем В.А. Городцовым.

Е.И. Крупнов в истории научной жизни Ингушетии

З.М-Т. Дзарахова

«Вся жизнь Е.И. Крупнова – этого кристально честного, принципиального и обаятельного человека – служит ярким примером беззаветного служения науке и выполнения высокого гражданского долга»

Р.М. Мунчаев

16 марта 2014 года исполнилось 110 лет со дня рождения учёного-кавказоведа и Великого гражданина страны Евгения Игнатьевича Крупнова. В Ингушетии помнят имя учёного. Много внимания уделял Е.И. Крупнов изучению истории и культуры народов Кавказа. Память об учёном хранят в своей памяти потомки – ученики и коллеги, люди самых разных национальностей.

Родился Е.И. Крупнов в 1904 г. в г. Моздоке. В 1924 году Евгений Крупнов поступил на этнологическое отделение Северо-Кавказского педагогического института в г. Владикавказе, в 1927 году перевёлся на исторический факультет Московского государственного университета. Научные интересы Е.И. Крупнова определились в 1928-1929 гг., когда он – студент-практикант Московского государственного университета принимает участие в археологических и этнографических исследованиях в горной Ингушетии и на Военно-Грузинской дороге в составе экспедиции, созданной в Ингушском научно-исследовательском институте. Руководил работой известный кавказовед Л.П. Семенов.

С 1935 г. Е.И. Крупнов сам возглавлял экспедиции в Ингушетию и другие области Северного Кавказа. Экспедиции, как известно, историко-этнографические, археолого-этнографические, фольклорно-этнографические имеют целью изучение истории и культуры народа, т.е. народоведение. Е.И. Крупнова же можно назвать и археологом, и этнографом. Он был учёным и хорошим организатором экспедиций, проходивших на Кавказе и, в частности, в Ин-

гушетии. Им были созданы и напечатаны первые научные труды, в том числе посвященные древней и средневековой Ингушетии. Итогом многолетней работы явился его фундаментальный труд «Древняя история Северного Кавказа», изданный в 1960 году в Москве. В сфере постоянных научных интересов учёного находились Ингушетия и другие области Северного Кавказа, Закавказье. Перу ученого принадлежит более 200 научных работ. Они посвящены общим и частным вопросам археологии, древней и средневековой истории и культуры как отдельных областей Предкавказья, так и Кавказа в целом.

Значительная часть творческой жизни Е.И. Крупнова связана с Институтом археологии АН СССР. Он работал в этом институте с 1937 года и прошёл путь от научного сотрудника до заместителя директора, стал крупным кавказоведом.

Е.И. Крупнов проводил полевые работы не только в горных и предгорных районах Северного Кавказа. Ему принадлежит исключительная заслуга в археологическом изучении (1946-1948, 1952, 1956 гг.) обширной и ныне полупустынной территории Северо-Западного Прикаспия. Ученого интересовали не только основные разделы археологии, древней и средневековой истории и культуры Кавказа, он занимался изучением фольклора и этнографии, декоративного искусства северокавказских народов, выступал со статьями, посвященными общим вопросам развития советской археологии.

Следует отметить огромную работу, которую проводил Е.И. Крупнов по спасению историко-археологических памятников нашей страны, активно сотрудничая с ВООПиК.

Последние два года Евгений Игнатьевич много внимания уделял работе над многотомным капитальным изданием «Археология СССР». Будучи редактором тома «Бронзовый век на территории СССР», он не только написал для него большую главу о культурах Кавказа начала I тысячелетия до н. э., но успел отредактировать сборник и, буквально за несколько дней до смерти, закончил обширное

предисловие к нему.

Е.И. Крупнов исследовал в Ингушетии значительную группу памятников материальной культуры, начиная с предскифского времени до позднего средневековья. Эти памятники получили детальное освещение в большой серии работ Е.И. Крупнова и легли в основу его монографии «Средневековая Ингушетия» (М., 1971). Исследование, защищенное им в 1941 г. в качестве кандидатской диссертации, представляет собой первую в науке сводную работу по истории ингушей. В предисловии к ней Е.И. Крупнов подробно и взволнованно рассказал о своих полевых исследованиях в Ингушетии и об истории создания своего труда. С большой теплотой пишет он в начале своего труда: «Публикацией этой работы я выполняю, правда, с большим опозданием, свой долг перед кавказоведением и в первую очередь перед ингушским народом. Историей и культурой этого народа я заинтересовался, еще будучи студентом МГУ». Предисловие к книге «Средневековая Ингушетия» под названием «Памяти автора» написано его учеником и большим другом Р.М. Мунчаевым. Книга находилась в издательстве, когда Е.И. Крупнов ушёл из жизни.

С 1957 года Е.И. Крупнов сосредоточил своё внимание на полевых исследованиях в Чечено-Ингушетии. Е.И. Крупнов обращался, чаще всего, к нерешённым проблемам истории и археологии Кавказа, к таким, как этногенез кавказских народов, связи Кавказа и Древнего Востока, фольклора и этнографии.

Е.И. Крупнов с благодарностью отмечал учёных из ингушей, которым давал для прочтения свои труды – известного востоковеда, человека энциклопедических знаний Нурдина Ахриева, историка Мурада Базоркина, общественного деятеля и историка Мурада Куркиева, писателя Идриса Базоркина и др. В воспоминаниях этих людей Евгений Крупнов остался истинным учёным и гражданином.

Многогранная научная и общественная деятельность Е.И. Крупнова была отмечена орденом Трудового Красного Знамени и медалями Советского Союза, а также почетны-

ми грамотами Верховных Советов автономных республик Северного Кавказа. Ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Чечено-Ингушской АССР и Кабардино-Балкарской АССР.

Наряду с огромной научной и научно-организационной деятельностью Е.И. Крупнов проводил исключительно большую работу по подготовке научных кадров. Достаточно сказать, что ни один из ученых-кавказоведов не имел и не имеет столько учеников, сколько Е.И. Крупнов. Несомненно, что, создав свою школу в археологии, он тем самым внес неоценимый вклад в развитие советского кавказоведения. Одним из его учеников является и наш соотечественник, доктор исторических наук, археолог М.Б. Мужухоев, который написал о нём очерк к 100-летию со дня рождения.

За выдающиеся заслуги в исследовании исторических памятников, культурных традиций и искусства ингушского народа Е.И. Крупнов посмертно награждён высшим орденом Республики Ингушетия «За заслуги» в 2004 году. В республике именем Е.Крупнова назван Археологический центр при Министерстве культуры РИ. В апреле 2010 года Правительство РИ и Археологический центр им. Е.И. Крупнова провели Международную научную конференцию «XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа».

Ученый и гражданин, педагог и общественный деятель Е.И. Крупнов был большим патриотом своей Родины и вместе с тем подлинным интернационалистом. Всю свою яркую жизнь он отдал изучению истории и культуры народов Кавказа, к которым всегда проявлял глубокое уважение и искреннюю любовь. Е.И. Крупнова помнят и ценят в Ингушетии.

Евгений Игнатьевич Крупнов (1904-1970 гг.)

М.Б. Долгиева

Евгений Игнатьевич Крупнов родился в 1904 году в городе Моздок в семье служащего. Окончил Моздокскую среднюю школу. В 1924 г. Е.И. Крупнов поступил на этнологическое отделение Северо-Кавказского педагогического института в г. Владикавказ. Через три года, в 1927 г. он перевелся на исторический факультет МГУ, где под руководством крупнейшего археолога В.А. Городцова, ставшего его учителем, занялся изучением истории и археологии Кавказа. Будучи еще студентом МГУ, Евгений Игнатьевич Крупнов начал принимать участие в экспедициях Л.П. Семенова. После окончания учебы он принимал участие в них уже в качестве дипломированного археолога. После окончания университета в 1930 г. Е.И. Крупнов работает научным сотрудником Государственного исторического музея (ГИМ) в Москве, где проработал более 20 лет, с 1921 по 1951 гг. С 1937 года по совместительству работал в Институте истории материальной культуры АН СССР (ИИМК) (позднее – Институт археологии АН СССР).

После начала Великой Отечественной войны ушёл на фронт. С декабря 1941 года по август 1945 года служил рядовым 33 запасной стрелковой дивизии в качестве лектора политотдела. В августе 1945 года был демобилизован и восстановлен в ГИМ и московском отделении ИИМК АН СССР в должности старшего научного сотрудника. Большая часть его творческой жизни была связана с Институтом археологии АН СССР, где Евгений Игнатьевич начал работать младшим, а затем старшим научным сотрудником, с 1951 по 1960 гг. был заместителем директора института, а последние восемь лет он возглавлял ведущий отдел института – сектор неолита и бронзы. В стенах этого института он стал крупнейшим кавказоведом и блестящим археологом. Здесь развернулась его активная общественная жизнь.

В 1935 г. Е.И. Крупнов был организатором и руководите-

лем археологических экспедиций музея на Кавказ, в частности – в Ингушетию. В ГИМ ученым были изданы первые научные труды, посвященные древней и средневековой Ингушетии. За объемную монографию «Древняя история Северного Кавказа» (М., 1960) ее автору была присуждена Ленинская премия – самая высшая премия в СССР. Его перу принадлежит более 200 оригинальных научных работ.

Ингушетия занимала в его творчестве особое и видное место, поскольку именно здесь он начинал свою научную деятельность и завершил свой путь в науке изданием в 1971 году замечательной монографии «Средневековая Ингушетия». В предисловии к монографии Евгений Игнатьевич писал: «Публикацией этой работы я выполняю, правда, с большим опозданием, свой долг перед кавказоведением и в первую очередь перед ингушским народом. Историей и культурой этого народа я заинтересовался, еще будучи студентом МГУ и участвуя в 1928-1930 гг. в археолого-этнографических экспедициях, возглавляемых профессором Л. П. Семеновым».

Е.И. Крупнов создал свою школу, подготовив большой отряд квалифицированных специалистов. Его учениками являются видные ученые кавказоведы, доктора исторических наук Р.М. Мунчаев, В.И. Козенкова, М.Б. Мужухоев, М.Х. Багаев и многие другие.

Ингушский народ всегда будет помнить выдающегося ученого и его вклад в развитие ингушеведения.

Е.И. Крупнову в 1964 г. было присвоено звание Заслуженного деятеля науки Чечено-Ингушской АССР. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями. За выдающиеся заслуги в исследовании исторических памятников, культурных традиций и искусства ингушского народа, Е.И. Крупнов в 2004 году посмертно награждён высшей наградой республики орденом «За заслуги». Указом президента Республики Ингушетия М. Зязикова от 15 мая 2008 года имя Е.И. Крупнова присвоено Археологическому центру при Министерстве культуры

Республики Ингушетия. В 2008 году была переиздана, ставшая к тому времени уже библиографической редкостью книга Е.И. Крупнова «Средневековая Ингушетия». В 2010 году в нашей республике прошли XXVI «Крупновские чтения». В 2014 г. в столице Республики Ингушетия, г. Магас состоялось открытие памятника Е.И. Крупнову и сквера его имени.

Кавказовед Евгений Игнатъевич Крупнов

М.Х. Багаев

Е.И. Крупнов родился 16 марта 1904 г. в г. Моздок. В 1974 г., спустя 4 года после кончины ученого, в Моздоке была открыта памятная доска, на доме, где родился ученый, а улица была переименована в улицу имени Е.И. Крупнова. К 100-летию же со дня его рождения, в том же городе открыт скульптурный памятник ученому. Так высоко оценили осетины своего земляка. Кстати будет сказано, в 1964 г., когда Е.И. Крупнову исполнилось 60 лет, за высокие научные достижения и плодотворную общественную деятельность, ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки ЧИАССР». А в 2004 г. Указом Президента Республики Ингушетия М. Зязикова Е.И. Крупнов награжден (посмертно) орденом республики «За заслуги» за выдающиеся заслуги в исследовании исторических памятников, культурных традиций и искусства ингушского народа.

В 1930 г. будущий кавказовед окончил историко-археологическое отделение исторического факультета МГУ по специальности «археология Кавказа». В том же году он был принят на должность младшего научного сотрудника в Государственный Исторический музей (ГИМ). Работая в ГИМе, он написал свою первую научную работу. Это была рецензия на статью А.С. Вартапетова «Проблема родового строя ингушей и чеченцев», опубликованная в 1933 году. Спустя 38 лет, в 1971 году выйдет и последняя но, к сожалению, посмертно, монография «Средневековая Ингушетия». С волнением читается предисловие книги, где Е.И. Крупнов пишет: «Публикацией этой работы я выполняю, правда, с большим опозданием, свой долг перед кавказоведением и в первую очередь перед ингушским народом».

Всю свою жизнь Е.И. Крупнов посвятил изучению древней истории малочисленных народов Северного Кавказа – ингушей, чеченцев, осетин, народов Кабардино-Балкарии,

Дагестана и т.д. Перед началом Великой Отечественной войны он завершил и представил на ученый совет исторического факультета МГУ диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук под названием «История Ингушетии с древнейших времен до XVIII века». Однако война внесла свои коррективы. Е.И. Крупнов добровольно записывается в московское народное ополчение и уходит на фронт в качестве рядового бойца 1-го стрелкового полка Ленинской дивизии. Получив ранение, он находился на излечении во фронтовом госпитале, откуда был отпущен на защиту кандидатской диссертации в Москву. После успешной защиты 7 октября 1941 года в МГУ и выздоровления, Е.И. Крупнов возвращается в ряды Красной Армии, из которой был демобилизован лишь в августе 1945 г. В том же месяце он был восстановлен в должности старшего научного сотрудника в ГИМе и в Московском отделении Института истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР.

В 1946-1956 гг. археологические экспедиции под руководством Е.И. Крупнова работают на всем Северном и Северо-Восточном Кавказе. А в 1957 г. он возглавил новую Северо-Кавказскую археологическую экспедицию (СКАЭ). Учитывая тот факт, что восточная часть ЧИАССР, т.е. территория собственно Чечни, была наименее изученной в историко-археологическом отношении областью Кавказа, Е.И. Крупнов поставил ее исследование как приоритетную задачу руководимой им СКАЭ. Для решения этой задачи Е.И. Крупнов привлек к участию в экспедиции не только своих учеников, тогда еще молодых специалистов – Р.М. Мунчаева, В.И. Марковина, В.А. Кузнецова, В.И. Козенкову, но и таких уже признанных ученых, как Н.Я. Мерперт и В.П. Любин.

Мне очень дорог и близок Е.И. Крупнов. Судьбе было угодно сделать меня последним его аспирантом-учеником. Всего же крупновскую школу – аспирантуру прошло несколько десятков кавказоведов-археологов, в том числе – Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин, В.И. Козенкова (Москва),

Н.Т. Шейхов, О.М. Давудов, Д.М. Атаев (Махачкала), Т.А. Бунятов, И.Г. Нариманов, Г.П. Кесаманлы, Д.А. Халилов (Азербайджан), В.А. Кузнецов (Минеральные Воды), И.М. Мизиев (Нальчик), В.В. Бжания, О.Х. Бгажба (Абхазия), М.Х. Багаев (Грозный).

За весь период своей научной деятельности Е.И. Крупновым написано и издано более двухсот научных трудов, исключая десятки публицистических статей, посвященных популяризации истории Северного Кавказа. Но наиболее весомыми являются его монографические исследования. Среди них особенно выделяется, ставшая настольной книгой всех кавказоведов – монография «Древняя история Северного Кавказа» (1960 г.). В 1963 г. за этот труд Е.И. Крупнову была присуждена высшая награда в СССР – Ленинская премия. Значительная часть этого труда посвящена исследованию кобанской культуры конца II-I тыс. до н.э., но, как считает ведущий специалист по этой культуре В.И. Козенкова, – по постановке главной проблемы, по поднятым вопросам выходит далеко за рамки раннего железного века Северного Кавказа. В ней поставлены и решены многие острые вопросы древнейшей истории региона, такие как скифо-сарматский мир и Кавказ, местные корни материальной культуры и ее связь с культурами древних племен и народов Переднего Востока и Юго-Восточной Европы. А по убеждению другого кавказоведа – В.А. Кузнецова, эта книга всем своим содержанием неопровержимо доказывает главное – горы Кавказа никогда не были «дикими горными трущобами» и отсталой окраиной древнего цивилизованного мира, напротив, Кавказ был одним из очагов высокой культуры и в III-I тыс. до н. э., а история кавказских народов уже с этой седой древности была органически связана с историческими судьбами как с народами Древнего Востока, так и античного мира.

После смерти доктора исторических наук, профессора Е.И. Крупнова, его ученики и коллеги-кавказоведы выступили с инициативой в память о нем – ученом, гражданине и педагоге – проводить систематически «Крупновские

чтения» по археологии Северного Кавказа. Первая такая конференция состоялась во Владикавказе 16 марта 1971 г. в день рождения Евгения Игнатьевича, а XXVIII-е, посвященные 110-летию со дня рождения ученого, проводятся в ИА РАН. Эти чтения за 43 года развития превратились в плодотворно работающую общественно-научную и международную организацию с довольно высоким творческим потенциалом и активностью. Достаточно отметить, что за время функционирования этих форумов, регулярно проводившихся до XII Крупновских чтений (Геленджик, 1982) ежегодно, а впоследствии раз в 2 года, было заслушано около 1000 научных докладов и сообщений. Это говорит о том, что влияние Крупновских чтений на развитие археологии на Северном Кавказе очевидно.

Евгений Игнатьевич Крупнов скоропостижно скончался 29 сентября 1970 г. и похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище, недалеко от своего учителя, выдающегося российского археолога Василия Алексеевича Городцова. На надгробной гранитной плите особо выделяется одно, но очень емкое слово «Кавказовед». За два дня до своей кончины, в моем присутствии, Е.И. Крупнов завещал свою богатейшую библиотеку Чечено-Ингушскому научно-исследовательскому институту истории, языка и литературы. Пожелание ученого исполнила его вдова Валентина Михайловна Подгорнова-Крупнова (скончалась в январе 2003 г.) но, к глубокому сожалению, война в Чечне 1994-1996 гг. уничтожила научно-исследовательский институт вместе с библиотекой выдающегося кавказоведа, но научное сообщество Чечни помнит и благодарно Е.И. Крупнову за столь благородный поступок.

Е.И. Крупнов много работал и издавал научные труды. При этом он никогда не писал «легкие» и посредственные работы, а ставил и решал кардинальные вопросы древней и средневековой истории Северного Кавказа. Он доказал, что история кавказских народов уже с седой древности была органически связана с судьбами народов Древнего Востока, Юго-Восточной Европы и с Древней Русью.

После каждого археологического сезона, ученый активно выступал с рассказами в местной печати о результатах работы СКАЭ. Это были своеобразные отчеты перед общественностью республик и в этом он видел свой долг. С тех пор прошло немало времени, повзрослели, да и постарели, бывшие студенты, участники этих экспедиций, а ныне работающие в вузах, научных центрах, школах, на государственных должностях. Постепенно сглаживаются в нашей памяти многие эпизоды экспедиционной жизни, но никогда не забыть наши дружные коллективы археологических отрядов: Е.И. Крупнова, Р.М. Мунчаева, В.И. Марковина, В.А. Кузнецова, В.И. Козенковой, В.Б. Виноградова, М.Б. Мужухоева, да и автора этих строк. Всегда будем помнить, пока живы, наши пешие, изнурительно долгие горные переходы, задушевные вечерние беседы у костра, стихийно возникавшие споры и диспуты на раскопах, самые вкусные завтраки, обеды и ужины в «поле» и особенно зовущий по утрам к подъему клич Евгения Игнатьевича: «Вставай, вставай! – это вам не дома, это вам не дома! Подъем!».

Личность Е.И. Крупнова в научных, научно-популярных изданиях и СМИ (вопросы историографии)

С.Б. Бурков

Целью настоящей статьи является представление и предварительный анализ всех доступных автору материалов, опубликованных в научных, научно-популярных изданиях и СМИ, связанных с многогранной деятельностью Е.И. Крупнова. Работы представлены в последовательности их выхода. Отдельным блоком даны данные по архивам, газетные публикации и информация, размещённая в системе «Интернет».

Первыми в нашем списке являются 2 работы, опубликованные в 1964 г.: статья Р.М. Мунчаева – к 60-летию со дня его рождения (1), и работа В.Б. Виноградова, которой открывался сборник, посвящённый его 69-летию (вероятно – ошибка редактора – в этом году юбиляру (год рождения – 1904) исполнилось лишь 60, что и было отмечено автором (2)). В первой из них представлена биография кавказоведа, охарактеризовано значение его работы в ГИМ для судеб археологической экспедиции, изучавшей до Отечественной войны памятники в Ингушетии и Осетии. Даны сведения о рецензировании работ А.А. Иессена, Б.Б. Пиотровского, Я.И. Гуммеля, приведено авторское мнение относительно значения исследования Каякентского могильника в Дагестане. Отдельный эпизод посвящён деятельности Е.И. Крупнова в годы войны, когда он служил лектором политотдела дивизии. Охарактеризована научная деятельность в послевоенное время в Восточном Предкавказье, ЧИАССР, Дагестане, дана высокая оценка работы «Древняя история Северного Кавказа». Особое внимание уделено его организаторским способностям, воспитанию национальных научных кадров, приведены данные о зарубежных командировках в Ливан, Сирию, Турцию. Статья В.Б. Виноградова подводит некоторые итоги деятельности Е.И. Крупнова по

изучению древностей Чечено-Ингушетии. В абзаце, о биографии юбиляра, отметим дату первых самостоятельных изысканий – 1929 г., а в 1935 он уже возглавил археологическую экспедицию ГИМ. Один из разделов посвящён авторской оценке значимости выхода в свет монографического исследования «Древняя история Северного Кавказа, ещё один – подведению итогов работы по изданию результатов работ СКАЭ на территории республики – в том числе – их обобщению и публикации – выходу в свет 1-го тома «Древностей Чечено-Ингушетии», популярной работы «О чём говорят памятники материальной культуры ЧИАССР». Значительное внимание уделено деятельности по популяризации археологических изысканий, его публикациям в местной периодической печати и в журналах, выступлениям перед населением. Отмечены и творческие планы, в которые вошли руководство СКАЭ, написание статей и главное – подготовка к печати монографии «Ранний железный век в Чечено-Ингушетии». Отметим, что монография, за которую Е.И. Крупнов получил в 1963 г. Ленинскую премию, вышла в 1960 г., докторская диссертация – защищена в 1961 г., и более никаких обобщающих исследований тему раннего железного века Чечено-Ингушетии Евгений Игнатъевич никогда не публиковал. Ещё одна ссылка на данную работу имеется в публикации Р.М. Мунчаева, посвящённой материалам раскопок 1956 – 1957 гг. Лугового могильника. При этом было сделано уточнение, что в готовящейся к изданию монографии Е.И. Крупнова будут опубликованы итоги работ на данном некрополе за 1952 и 1955 г. Эти комплексы целиком так и не изданы. Ссылок на эту работу, даже на рукопись, нет ни у одного из исследователей, занимавшихся или занимающихся данной проблематикой (3). Никаких указаний на эту работу не содержит и монография В.Б. Виноградова, защищенная им в качестве докторской диссертации в 1972 г. (4), их нет и в целом цикле монографий В.И. Козенковой, посвящённых этой территории и данному периоду (5). Занимавшаяся разбором архива Е.И. Крупнова, Валентина Ивановна подтвердила,

что в его материалах информации на эту тему нет. По её мнению, это может быть связано с некоторыми перспективными планами кавказоведа, а некоторые наброски – вошли в иные работы.

Одни из первых воспоминаний В.Б. Виноградова о Е.И. Крупнове были опубликованы в 1970 г. (6). В них дана характеристика взаимоотношений с Л.П. Семёновым, представлено авторское видение становления Е.И. Крупнова как руководителя экспедиции ГИМ. Особое внимание В.Б. Виноградов обращает на трудолюбие своего наставника, его внимательное отношение не только к молодым исследователям, но и к местным жителям, которым он рассказывал о результатах археологических исследований.

Посмертные некрологи, опубликованные в 1970 и 1971 гг. (7), помимо общих данных, имеют и ряд отличий. Так, в первом, построенном в виде некоего отчёта о проделанной работе, даны, в том числе, сведения о его деятельности на посту заместителя председателя экспертной комиссии ВАК по историческим наукам, консультанта издательства БСЭ, общественной работы в качестве депутата и в составе ВООПИиК – без указания занимаемой должности. Среди наград – упомянуты орден «Трудового Красного Знамени» и медали (без конкретизации – сколько и какие), а также Почётные грамоты Верховных Советов автономных республик Северного Кавказа. Во втором – приведена детальная автобиография, начиная с его работы в ГИМ. Отмечено, что Е.И. Крупнов был членом Учёного совета, в Институте Археологии – с 1937 г.: МНС, НС, учёный секретарь ОПИ, 1951-1960 гг. – заместитель директора, в дальнейшем – зав. сектором. Даны подробные сведения о его научных открытиях и достижениях, особенно – как организатора науки, в том числе – и в республиках Северного Кавказа, создателя и бессменного руководителя СКАЭ, оценена роль редактора по подготовке к изданию тома «Археология СССР», а также первых очерков по истории Чечено-Ингушетии. Перечислены полученные им почётные грамоты Президиумов Верховных Советов Кабардино-Балкарской, Северо-

Осетинской и Чечено-Ингушской АССР, указано награждение званием «Заслуженный деятель науки» ЧИАССР и КБАССР.

Посмертно изданная монография «Средневековая Ингушетия» предваряется вступительной статьёй Р.М. Мунчаева, посвященной её автору (8). Помимо сведений о его работе в качестве руководителя подразделений ИА АН СССР, автор характеризует основные научные интересы и факторы, под действием которых они сформировались. Видно, что к моменту написания данной работы ещё не был составлен полный список работ Е.И. Крупнова (указаны «около 200 научных работ»). Дана оценка значимости его полевых и теоретических работ в области археологии поздней бронзы Дагестана, Северо-Восточного Прикаспия, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии. Из статьи мы узнаём, что Евгения Игнатъевича, помимо «чистой археологии», интересовали и вопросы фольклора и прикладного искусства народов Северного Кавказа, большое внимание уделялось проблемам спасения историко-археологических памятников. Завершив работу над своей последней монографией, Е.И. Крупнов не смог принять участие в её редактировании в издательстве, в связи с чем, при оформлении рукописи к печати его последователи сохранили неизменным авторский текст, что делает эту работу ещё более личностной.

В сборнике научных статей, вышедшем в издательстве «Наука» в 1973 г., посвященного памяти Е.И. Крупнова, помещена обстоятельная статья В.А. Кузнецова, рассказывающая о кавказоведе, а также список его публикаций, составленный А.В. Чернецовым и насчитывающим 216 наименований, который был впоследствии дополнен Е.И. Нарожным (9). В результате общий список опубликованных работ Е.И. Крупнова был расширен до 232. Помимо других малоизвестных деталей биографии Е.И. Крупнова, в ней приведена информация о том, что первые самостоятельные разведки археологических памятников (совместно с Л.А. Ельницким) на левобережье р. Риони были проведены им в

1933 г., тогда как по данным В.Б. Виноградова начало самостоятельных исследований отнесено к 1929 г. Тогда же им же была написана и первая научная публикация-рецензия на статью А.С. Вартапетова «Проблемы родового строя чеченцев и ингушей» (10). Очень подробно и в деталях автор освещает административно-организаторскую деятельность Евгения Игнатьевича, приводит данные о наиболее значимых полевых исследованиях, значительная часть которых приходится на территорию Чечено-Ингушетии. Не остались без внимания и его ученики, работа за рубежом, приведён подробный список наград, как государственных, так и общественных. Так, например, указано на получение не одной, а двух Почётных грамот Президиума Верховного Совета и Совета Министров СОАССР. Отметим, что в рецензии на этот сборник данная тема представлена лишь одной фразой – сборник посвящён «...памяти выдающегося археолога Е.И. Крупнова (11).

В 1976 г. в завершающем серию археолого-этнографических сборников ЧИНИИИИЯЛ – выпуске № 4 публикуется небольшая статья В.Б. Виноградова, посвящённая памяти Е.И. Крупнова (12), который приложил, в том числе, и свои усилия к тому, чтобы этот сериал состоялся. Автором дана оценка творческого вклада Е.И. Крупнова в изучение древностей Кавказа, отмечена глубокая эрудиция, высокие человеческие качества, идейность и преемственность в исследованиях, полученные от своих учителей.

В докладе В.Б. Виноградова и Т.С. Магомадовой, представленном на конференции, посвящённой Л.П. Семёнову, присутствуют интересные детали его взаимоотношений с Е.И. Крупновым (13). Их творческий и дружеский союз длился 30 лет, начиная с 1929 г., когда 25-летний студент, поступивший на этнологическое отделение МГУ, впервые попал в экспедицию, проходившую на территории Ингушетии. С 1932 г. он – правая рука руководителя экспедиции, с 1934 г. – работающий уже самостоятельно. В дальнейшем Е.И. Крупнов – редактор научных работ своего учителя. По мнению авторов, к середине 50-х гг. сложилась

его научная школа.

В 1988 г. из печати выходит очередная научно-популярная книга В.Б. Виноградова, некоторая часть которой посвящена Е.И. Крупнову, в том числе – его работе в экспедиции Л.П. Семёнова, которая началась с 1929 г. (14). В изложении автора в том году Евгений Игнатъевич – ещё студент этнологического (народоведческого) отделения МГУ (другие источники сообщают об историческом факультете либо историко-археологическом отделении исторического факультета). В одной экспедиции они проработали 4 года, вплоть до её завершения в 1932 г. Самостоятельно начал работать с 1934 г., с 1935 г. – руководитель Северо-Кавказской историко-бытовой экспедиции. Докторскую диссертацию у В.Б. Виноградова Е.И. Крупнов защитил в 1960 г. Приведён эпизод с разведками курганов в окрестностях с. Бамут в 1957 г. которые, по версии В.Б. Виноградова, были за год до начала их раскопок. У Р.М. Мунчаева годом выявления курганов в окрестностях села назван 1958 г., хотя это могла быть и дата начала их раскопок (15). Название работы Е.И. Крупнова 1939 г. – «К истории Ингуши» В.Б. Виноградовым изменено на «К истории Ингушетии». Ранее это уже произошло с публикациями Л.П. Семёнова, посвящёнными археологическим и этнографическим разысканиям в Ингуши в 1925-1932 гг. – вначале при их объединении в отдельную книгу в 1963 г., а затем – при её переиздании в 2010 г. (16). На наш взгляд, изменения в названии административно-территориального образования не должны отражаться на оригинальности первоначального наименования названия научного труда. Важными являются некоторые выводы автора относительно значимости работ Е.И. Крупнова – в частности, о том, что раскопками он создал базу для важных научных выводов и обобщений, которые подали пример глубокой продуманности, планомерности и высокой организованности экспедиционных изысканий. Он создал чёткую программу научных исследований, которые неуклонно выполнялись. Беседы же с пытливыми местными жителями подвигли его и его учеников на написание цик-

ла научно-популярных работ. В книге опубликованы несколько фотографий с участием Е.И. Крупнова, в том числе – 1946 г. с Л.П. Семёновым и краеведом И.Ф. Мутовиным и 1956 г. – с участниками СКАЭ 1956 г.

В 1989 г. некоторая информация о характере непростых взаимоотношений между Е.И. Крупновым и Б.Н. Граковым публикуется В.Б. Виноградовым, для которого оба исследователя были добрыми наставниками и учителями (17). В этом же году выходит ещё одна работа данного автора, посвящённая роли Е.И. Крупнова в исторических судьбах краеведов Северного Кавказа (18). Автором отмечено, что именно благодаря Е.И. Крупнову в научной литературе и исследовательской практике нашли своё место В.И. Долбежев, Н.С. Семёнов, Тимофеев, Г.И. Куликовский, Г.А. Вертепов, Р.С. Фустов, А.А. Драницын, М.А. Караулов, Ф.С. Панкратов-Гребенец, которые сохранили для будущих исследований ценнейшие источники по археологии Северного Кавказа. Одновременно с этим, Е.И. Крупнов резко осуждал случаи хищнического разрушения памятников кладоискателями и бездумную скупку у населения грабительски добытых раритетов (Х. Кануков, А.Л. Млокосевич). Им отдельно отмечен краевед М.И. Ермоленко, плодотворно работавший в Ставрополе, Владикавказе, Нальчике, а также Н.М. Егоров, А.П. Рунич, Н.М. Рыбенко (Пятигорск), М.П. Севостьянов (Грозный), М.И. Исаков (Махачкала), Л.Д. Швецова и Г.М. Бициев (Владикавказ). По наблюдениям В.Б. Виноградова, он стремился обучать краеведов навыкам научной работы. Манера общения Е.И. Крупнова с краеведческими кадрами была плодотворна и притягательна для его учеников.

Евгений Игнатьевич очень большое внимание уделял общению с местными краеведами. Их находки неоднократно присутствовали в его научных трудах. В частности, его мнение о значимости работ Кавминводских региональных исследователей приведено В.Б. Виноградовым в работе 1992 г. (19).

Большая статья о Е.И. Крупнове, насыщенная личност-

ными оценками и деталями его биографии, особенно – о ходе полевых работ в Чечено-Ингушетии, была опубликована в 1994 г. В.И. Козенковой, которая много лет проработала в составе СКАЭ (20). Помимо таких деталей из раннего этапа биографии, как поступление в 1924 г. Е.И. Крупнова в Северокавказский педагогический институт во Владикавказе и в 1927 г. – перевод на исторический факультет МГУ, автор много места уделяет его личностным характеристикам, постоянному проявлению уважения к традициям народов Кавказа, вниманию к населению в местах проведения раскопок. Так, возвратившись из поездок в Ливан и Турцию, он рассказывал жителям ЧИАССР о встречах за рубежом с их соотечественниками. Многим своим знакомым Евгений Игнатьевич помогал в непростых жизненных ситуациях – живым участием, деньгами и лекарствами. Отдельно охарактеризовано его участие в судьбах своих учеников, нашедшее отражение в многочисленных письмах, которые по просьбе его жены – В.М. Подгорновой, разбирала В.И. Козенкова. Статья насыщена и деталями научной жизни, например – на посту заведующего сектором археологии в НИИ Кабардино-Балкарии (1947-1949 гг.).

Этой же дате посвящён доклад И.М. Чеченова, прочитанный им на XVIII «Крупновских чтениях», проходивших в 1994 г. в г. Кисловодске. Автор подчеркнул, что Е.И. Крупнов был подлинным патриотом своего Отечества. Он отметил, что юбиларом было издано 216 работ, что неточно: при жизни вышло 227 работ, а в дальнейшем, помимо его монографии «Средневековая Ингушетия», после 1970 г. были опубликованы ещё 4 работы, последняя – в 1977 г. в г. Тбилиси (21).

В публикации 1998 г. В.Б. Виноградовым приведены некоторые сведения о письмах Е.И. Крупнова, в которых много интересных деталей относительно его работы в ВООПиК, участия в издании обобщающих трудов по древней истории Чечено-Ингушетии, понимания развития общественно-политических процессов на Кавказе, в том числе – негативных тенденций в региональной науке

и политике (22). В 1999 г. в Армавире выходят две небольшие брошюры, в которых публикуются выдержки из писем Е.И. Крупнова, адресованные В.Б. Виноградову (23). В первой из них описаны противоречивые взаимоотношения между Б.В. Граковым и Е.И. Крупновым, в которые был вынужден встраивать свои отношения и В.Б. Виноградов. Он после окончания МГУ именно от Е.И. Крупнова получил рекомендацию для зачисления на должность МНС в ЧИНИИИИЯЛ (лето 1961 г.). Об интенсивности переписки между ними говорит такой факт: только за один 1967 г. В.Б. Виноградов получил от него 21 письмо. В том же году Е.И. Крупновым было написано 40 отзывов на научные работы. Из писем мы узнаём, что Евгений Игнатьевич постоянно интересовался научными сборниками по археологии, которые выходили в Грозном, большое внимание уделял работе в Центральном комитете ВООПИиК, руководителем его отделения в ЧИАССР был избран В.Б. Виноградов. В одном из писем Е.И. Крупнов благодарил его за хороший уровень подготовки М.Х. Багаева, успешно поступившего в аспирантуру к кавказоведу. Во второй работе отмечен факт их знакомства с 1956 г. когда В.Б. Виноградов, будучи зачисленным в штат научно-исследовательского института в г. Грозном, сразу же оказался в экспедиции Е.И. Крупнова, работавшей тогда в г. Кисловодске. Данный эпизод был впервые представлен им в тезисах его доклада на конференции, проходившей в Кисловодске в 1992 г. (24). На тот момент это была его уже пятая экспедиция в составе СКАЭ. В одном из приведённых авторами письме Е.И. Крупнова к В.Б. Виноградову есть интересная деталь – краткое описание керамики из с. Центрой (коллекция В.В. Шапочки), в том числе – миски и кувшинов с ручками сарматского типа. В дальнейшем, она была опубликована частично В.И. Марковиным, однако информации о керамических формах сарматского времени в его работе нет (25). Из другой информации – отметим призыв Евгения Игнатьевича к своему ученику накапливать источниковую базу, совет «не перегибать палку» в популяризации настоящих научных

фактов и знаний.

В том же году, в материалах 6-й международной научно-практической конференции, посвящённой 35-летию научно-педагогической школы В.Б. Виноградова, были опубликованы тезисы его доклада, посвящённые, в том числе, и взаимоотношениям с Е.И. Крупновым (26). Так, перевод автора в МГУ был не только инициирован, но и скоординирован именно четой Крупновых. Отметив педагогический дар своего подопечного, он посоветовал новоиспечённому кандидату наук опираться в своей работе, в основном, не на талантливых (могут подвести), а на трудолюбивых, преданных делу. В числе последних были названы А.А. Исламов, С.Ц. Умаров, М.Х. Багаев, В.А. Петренко.

В 2000 г. в сборнике материалов, посвящённых истории становления и развития ИА РАН, Р.М. Мунчаевым публикуется небольшая статья о Е.И. Крупнове, в которой приведены основные вехи его биографии, связанные с работой в головном археологическом учреждении России и основанные на материалах ведомственного архива (27).

В юбилейном сборнике, посвящённом 75-летию Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, вышедшем в 2001 г., есть раздел, посвящённый Е.И. Крупнову (28), который работал в этом учреждении по совместительству с 1946 по 1951 г. (в 1946-1949 г. – в качестве зав. сектором археологии). Отмечены его организаторские способности, в том числе – в виде подготовки местных квалифицированных кадров, осуществленной в рамках успешной деятельности созданной и возглавленной им совместной экспедиции ИИМК, ГИМа и Кабардинского НИИ в 1947-1948 г. Указано, что его кандидатская диссертация, посвящённая древностям Ингушетии и защищённая в 1941 г., была опубликована в 1948 г. В этом году у Е.И. Крупнова вышла одна такая сводная работа (29). Им было написано около 30 научных работ, посвящённых различным проблемам древней истории Кабардино-Балкарии. Звание «Заслуженный деятель науки КБ АССР» было присвоено в 1967 г.

В работе Р.М. Мунчаева, посвящённой подведению некоторых итогов работы СКАЭ на территории Чечни, присутствует и характеристика Е.И. Крупнова как организатора данного научного коллектива, который существовал только до конца 1970 г., приведён факт передачи его библиотеки в фонды научно-исследовательского института в г. Грозном, которая сгорела во время январских боёв в 1995 г. (30).

В 2003 г., предваряя материалы юбилейной конференции по археологии Средней Кубани, В.Б. Виноградовым публикуется небольшая по объёму, но ёмкая по содержанию работа, посвящённая 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (31). Вклад Е.И. Крупнова в развитие научных исследований Кавказа был сгруппирован им в 4 раздела: написание обобщающих научных трудов; организация и руководство кавказоведческим направлением в исследованиях академических и региональных научных центров, которые работают и сейчас; создание и руководство СКАЭ, объединившей полевые усилия АН СССР и провинциальных исследовательско-просветительских центров региона; сконструировал и развил модель развития отечественного археологического кавказоведения с древнейших времён и до XVIII в., подготовил и воспитал группу первоклассных высококвалифицированных научных кадров.

В этом же году в Армавире выходит очередной 3-й выпуск «Материалов и исследований по археологии Северного Кавказа, в котором В.Б. Виноградовым публикуется статья, посвящённая 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова. Библиографические сведения, выполненные в форме «Приложений», в том числе – дополнения к списку научных работ, составившим 16 наименований, подготовлены Е.И. Нарожным (32). В работе подведён итог творческим усилиям Евгения Игнатьевича по изучению древностей Кавказа, как полевым, так и теоретическим, подготовке научной школы, приведены малоизвестные факты его военной биографии. Так, он вступил в московское народное ополчение и воевал в составе Ленинской дивизии. После ранения был

зачислен в 33 запасную Муромскую пехотную дивизию, где служил в качестве внештатного лектора политотдела, читал лекции и писал серьёзные доклады. Отмечен и факт защиты им кандидатской диссертации в ИИМК в октябре 1941 г., а также статьи с фотографией учёного на эту тему в газете «Московская правда» под заголовком «Солдат защищает диссертацию». Был демобилизован только в августе 1945 г. Ценным является и использование материалов воспоминаний В.М. Подгорновой – супруги Е.И. Крупнова, а также фрагментов переписки с автором статьи.

В.А. Кузнецовым отмечена роль Е.И. Крупнова в инициативе и организации проведения широкомасштабных археологических изысканий в районе Эльхотова (33).

В 2004 г. в журнале «Российская археология» публикуются обстоятельные, насыщенные деталями, статьи Р.М. Мунчаева и В.И. Козенковой, посвящённые 100-летию юбилею Е.И. Крупнова (34). В первой из них приведены мало известные факты из ранней биографии юбиляра. Так, после смерти отца – выходца из крестьян, в 1919 г. в 15 летнем возрасте будущий археолог, чтобы прокормить мать – терскую казачку и 2 сестёр, работал на мукомольной фабрике Моздока, в шорной и сапожной мастерских, был землекопом. В МГУ он переводится на историко-археологическое отделение, заканчивает его в 1930 г. по специальности «Археология Кавказа». За время работы в ГИМе он самостоятельно разработал и оформил 6 экспозиций по древней истории Кавказа (35). Крупнов был зачислен на работу в музей как МНС, в 1933 г. – переведён в секцию научных работников и назначен на должность СНС. В Московском отделении ГАИМК он работал по совместительству с 1937 г. Автором выделяются 2 этапа в его биографии – до и после ВОВ, которую он начал в составе 1-го стрелкового полка Ленинской дивизии народного ополчения. После ранения находился на излечении во фронтовом эвакогоспитале № 2051. Кандидатскую диссертацию защитил 7 октября 1941 г. С декабря 1941 по август 1945 г. служил рядовым в 33 запасной стрелковой дивизии в качестве лектора политотдела.

Рекомендацию на восстановление Е.И. Крупнова в должности СНС ГИМа дал д.и.н. С.В. Киселёв, охарактеризовавший его как единственного археолога-кавказоведа не только в Москве, но и почти на всём Северном Кавказе. Помимо работы в качестве организатора СКАЭ, отмечается его роль в создании и руководстве одной из крупнейших новостроечных экспедиций ИИМК АН СССР (1951-1954 гг.) в зоне сооружения Сталинградской ГЭС, а также советской экспедиции в Месопотамии. Решение о её создании было принято в 1968 г., после его командировки в Ирак в 1966 г. Начало её работы относится к 1969 г. Большое место в статье занимают материалы о работе Е.И. Крупнова в Чечне. Помимо экспедиционной, отмечена его многогранная научно – организаторская и научная деятельность. Её составная часть – работа по воспитанию высококвалифицированных научных кадров в области археологии для северокавказской археологии. Он подготовил более 20 аспирантов, 10 лет был членом экспертного совета ВАК по историческим наукам, зам. Председателя археологической комиссии ВООПиК, редактором-консультантом Советской исторической энциклопедии.

В статье В.И. Козенковой, помимо списка работ о юбиларе, присутствуют воспоминания автора о его личной жизни: жене В.М. Подгорновой, которая некоторое время также работала в ГИМе, стиле руководства при раскопках памятников. Базой для исследования под Сержень-Юртом у СКАЭ служил старый домик дорожной станции – постройка конца XIX в., расположенная на горном тракте по маршруту: крепость Грозная – крепость Ведено в Веденском ущелье. Приведены данные о беседах Е.И. Крупнова с местным населением после его поездок по странам Ближнего Востока. Относительно архивных материалов: фотографии 20-30-х гг. были переданы в ГИМ, рукописи и письма – хранятся в архиве ИА. Похоронен на Новодевичьем кладбище, недалеко от своего учителя – В.А. Городцова (3-й участок, 5 ряд). Жена Е.И. Крупнова принимала деятельное участие в работе Крупновских чтений (В.М. Подгорнова-Крупнова

умерла в 2003 г.). Присвоение имени Крупнова одной из улиц в г. Моздоке состоялось в 1974 г., когда в этом городе проходила очередная конференция. В это же время на доме, где он родился, была открыта мемориальная доска.

Из региональных публикаций на эту тему отметим обширную статью А.В. Найденко, вышедшую в том же году и во многом основанную на некрологе, подготовленном В.А. Кузнецовым (36). В то же время, в работе есть ряд новых данных. Так, в юности Е.И. Крупнов вначале работал батраком по найму, потом – конторщиком у частных лиц в ст. Вознесенской, Курской, других населённых пунктах Ставропольской губернии и Терской области, на промыслах «Грознефть». Школу окончил только в 1924 г., т.е. ему было тогда 20 лет. Звание СНС в ГИМе ему было присвоено в 1938 г., когда он работал уже на 0,5 ставки в связи с переходом на работу в московское отделение ГАИМК. Первая часть его кандидатской диссертации была опубликована в 1948 г. Воевал на Западном фронте в составе Ленинской дивизии, ранен в октябре 1941 г. В 1947-1949 гг. был зав.сектором археологии КБНИИ, что не совсем точно, равно как и дата защиты докторской – 1960 г. Наиболее ценным является перечень газетных публикаций о Е.И. Крупнове, который ранее никем не публиковался. Здесь же дана ссылка на одну из газетных статей самого Е.И. Крупнова (37), работа по поиску которых ещё только предстоит. Включение в список публикаций о нём рецензии (38) на сборник, вышедший в 1973 г., представляется мало обоснованным, т.к. в ней о самом Евгении Игнатьевиче практически ничего не говорится.

Сборник материалов, включающий доклады с III по XXIV конференции «Крупновские чтения», предваряется вступительными статьями В.А. Кузнецова и В.И. Козенковой, посвящёнными Е.И. Крупнову (39). В первой из них, помимо личных воспоминаний об учёном, его деловых и человеческих качествах, отмечена его заинтересованность в развитии археологических изысканий, становлению национальных специалистов из Чечено-Ингушетии. Важна и

информация о том, как авторская идея о проведении мемориальной ежегодной конференции по археологии Кавказа была превращена в реальность. Во второй публикации, насыщенной яркими личными воспоминаниями и большим количеством фотографий, присутствует и список литературы, вышедшей к моменту её написания в стенах ИА РАН, посвящённой Е.И. Крупнову. Часть воспоминаний посвящена его супруге – В.М. Подгорновой-Крупновой, которая и после смерти своего мужа принимала самое активное участие в судьбах не только бывших коллег и учеников Евгения Игнатьевича, но и музейного сообщества Северного Кавказа, особенно – Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея (ЧИРКМ).

В материалах XXVI «Крупновских чтений», прошедших в Ингушетии в 2010 г., опубликован доклад М.Б. Мужухоева (40). В нём представлено, в основном, сопоставление авторской версии роли кобанской археологической культуры в исторических судьбах ингушей, с выводами Е.И. Крупнова относительно интерпретации этой темы и отношение к идее субстрата в этнологических исследованиях. К сожалению, данных о самом учёном в этой работе нет. В тезисах доклада У.Б. Гадиева речь шла о том, какие археологические исследования произвёл Е.И. Крупнов на территории Ингушетии, сделан вывод о том, что его деятельность здесь была богата и разнообразна. Отметим, что защита им кандидатской диссертации произошла не до, а во время Отечественной войны (41).

Большая статья о Е.И. Крупнове публикуется И.М. Чеченовым в 2012 г. (42). В ней приведена неполная сводка статей библиографического и справочного характера о Е.И. Крупнове, а также малоизвестные сведения о раннем периоде его жизни и военной биографии. С 1946 по 1951 г. – работал по совместительству в Кабардинский НИИ (в эти годы название института было изменено в связи с депортацией балкарцев), приведён эпизод с его обращением с просьбой об освобождении от должности штатного сотрудника института. В полевой деятельности его экспедиция работала

и на территории южных областей Ставропольского края. Отмечена забота о развитии краеведения на Северном Кавказе, его крайне отрицательная реакция на любые попытки сознательного, преднамеренного искажения, идеализации, приукрашивания исторического прошлого. Приведены интересные сведения о начальном этапе формирования конференции – на совместном заседании секторов КБНИИ и СОНИИ в июле 1970 и 2-м заседании – 16 марта 1971 г., когда было принято решение о проведении заседаний как мемориала памяти Е.И. Крупнова и утверждено название – «Крупновские чтения».

В том же 2012 году в материалах XXVIII «Крупновских чтений» В.И. Козенковой опубликован карандашный рисунок Е.И. Крупнова предметов, найденных в 1961 и 1964 гг. в Чечне (43). Публикация является примером того, как следует работать с архивными материалами кавказоведа.

В последнем номере за 2013 г. «Вестника АН ЧР» М.Х. Багаев публикует свой доклад, прочитанный им на «Крупновских чтениях» в г. Москве в апреле 2014 г. и посвящённый Е.И. Крупнову (44). В нём присутствуют воспоминания Р.М. Мунчаева, известия об открытии в 1974 г. памятной доски на доме в г. Моздоке, где родился Крупнов, об открытии там же к 100-летию со дня его рождения памятника, награждение в 2004 г. Е.И. Крупнова Указом Президента Ингушетии М.М. Зязикова «Орденом за заслуги» (45).

Отмечено, что через его аспирантуру прошло несколько десятков будущих кавказоведов, хотя названы лишь 15 фамилий, что за 2 дня до смерти он в присутствии М.Х. Багаева завещал свою библиотеку ЧИНИИ. Интересным фактом является упоминание о том, что после каждого полевого сезона Евгений Игнатъевич активно публиковал материалы о раскопках в местной периодической печати. Это были своеобразные отчёты перед общественностью республики и в этом он видел свой долг.

В 2014 г. И.М. Чеченовым в материалах юбилейных XXVIII «Крупновских чтений» опубликована статья, посвящённая Е.И. Крупнову и «Крупновским чтениям», в со-

проведении большого количества фотографий. На них представлены, в основном, исследователи, в разные годы принимавшие участие в данной конференции, но имеются и снимки с участием Е.И. Крупнова (46). Там же, в авторских материалах, посвящённых, в том числе, изучению памятников раннего железного века на территории Чечни, приведены некоторые сведения о приёмах и методах полевых работ, применяемых в разные годы Е.И. Крупновым при их раскопках (47).

Отдельно следует остановиться на архивах, в которых хранятся и могут находиться материалы, связанные с жизнью и деятельностью Е.И. Крупнова.

Так, помимо личных дел и полевых дневников, хранящихся в ИА и ГИМ, некоторые материалы о нём содержит архив ЛОИА РАН – в частности, результаты его работ в качестве руководителя СКАЭ ГИМ в 1935 г. на Паметском могильнике в горной Ингушетии, материалы к изданию отчётов за 1937-1939 гг., а также краткие отчёты об этих исследованиях (48). Сведения о Е.И.Крупнове мы можем почерпнуть и в личном фонде Л.П.Семёнова, хранящимся в ЦГА РСФСР с 30 декабря 1963 г., состоящем из 195 единиц хранения в составе 9 разделов. В частности, в разделе №4 сосредоточены письма Е.И. Крупнова, а в разделе № 8 – некоторые из его статей (49). Там же хранятся и 16 книг, подаренные Е.И.Крупновым Л.П.Семёнову. Материалы переписки В.Б. Виноградова и Е.И. Крупнова хранятся в архивном отделе администрации муниципального образования г. Армавир (50). В фондах Моздокского музея краеведения хранятся редкие фотографии с Е.И. Крупновым, ранее нигде не использованные (51).

Согласно архивной справки, предоставленной хранителем сектора «Ведомственный архив» отдела письменных источников ГИМ И.В. Ключкиной, Крупнов Е.И. окончил МГУ в 1930. В ГИМе – с 1929 г. инвентаризатор, научный сотрудник отдела эпохи феодализации – с 1931г., рабовладельческой формации – с 1932г., древней истории – с 1935 по 1941г., II археологического отдела – с 1945 по

1951 г. Участник Великой Отечественной войны, археолог-кавказовед, доктор исторических наук – с 1961 г. (52). В то же время, в документе не отмечено, что с 1937 г. Е.И. Крупнов работал в ГИМ по совместительству. Данный факт приведён в статье, опубликованной в юбилейном сборнике к 75-летию Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (53).

Для поиска дополнительных сведений необходимо обратиться и к частным архивам. Например, в «Истории Ингушетии» была опубликована редкая фотография, происходящая из частного архива, сделанная в одной из первых экспедиций в горную Ингушетию, на которой изображены О. Мальсагов, М.Базоркин, Л.П. Семёнов, И.П. Щерблык и молодой Е.И. Крупнов. Из текста следует, что это была экспедиция 1928-1929 гг. и в ней принимали участие Л.Б. Беме, Г.К. Мартиросиан, профессора Г.Д. Потапов и В.Ф. Раздорский, а также Е.И. Крупнов. В опубликованной на интернет – страничке «Радио Ангушт» небольшой статье З. М-Т. Дзараховой уточняется, что данное фото было сделано в 1928 г. (54). В статье Р.Х. Мамаева приведены данные об экспедиции в горную зону края М. Акбулатова и А.В. Уэльса, которая проходила в 1928-1929 гг. Из контекста работы следует, что она изучала объекты материальной культуры на территории Чечни (55). В статье И.А. Дахкильгова, опубликованной в электронном формате, отмечается, что в отчёте Л.П. Семёнова за 1929 г. среди её участников, упомянут и студент этнологического отделения МГУ Е.И.Крупнов. Его же он называет среди участников экспедиции 1930 г., но уже как археолога, т.к. к тому времени Евгений Игнатьевич уже закончил свою учёбу в МГУ (56). В работе 1988 г. В.Б. Виноградова отмечено, что Е.И. Крупнов прибыл в экспедицию Л.П. Семёнова в 1929 г. и проработал с ним 4 года – вплоть до её завершения в 1932 г. (57).

Следует обратить внимание и на архивы Центрального Совета ВООПиК за период с 1965 по 1970 гг., где среди отчётных и справочных материалов могут оказаться и документы, связанные с деятельностью Е.И. Крупнова, занимав-

шего пост Заместителя Председателя секции исторических памятников. Так, с ходатайствами о выделении средств на реставрационно-восстановительные и иные работы на памятниках градостроительства и археологии он неоднократно обращался с официальными письменными запросами к региональным правительствам и в соответствующие комиссии Верховных Советов ФСФСР и СССР (58).

Работа с первоисточниками важна не только для установления точных сведений, т.к. в ряде публикаций встречаются противоречивые данные, связанные как с историей семьи, так и с его службой в различных учреждениях. При написании статей, посвящённых Е.И. Крупнову, ряд их авторов используют лишь те сведения, которые оказались им доступными в предшествующие годы. Так, например, в публикации В.Е. Нарожного, посвящённой Е.И. Крупнову как исследователю древностей Ингушетии, присутствуют лишь общеизвестные факты его научной биографии (59). Некоторые их работ публикуются в нескольких различных изданиях практически без изменений, за исключением названия. Так, в статье 1994 г., написанной В.Б. Виноградовым, с участием С.Л. Дударева (редакция и предисловие) и Е.И. Нарожного (основная литература о Е.И. Крупнове и дополнение к списку его публикаций) приведён библиографический очерк (60). В этом же году эта работа переиздаётся с теми же выходными данными, изменения коснулись только нумерации страниц в связи с сокращением объёма: первый вариант содержал 16, второй – только 8 страниц (61). Этот же текст, но с изменённым названием, частично позаимствованным из предисловия первого издания, подготовленного С.Л. Дударевым, третий раз публикуется В.Б. Виноградовым в 2004 г. (62). Впервые часть этого материала была опубликована В.Б. Виноградовым ещё в 1988 г. (63).

В 2012 г. И.М. Чеченовым публикуется статья на тему историографии развития археологии на Северном Кавказе, состоящая из 2-х блоков, посвящённых Е.И. Крупнову и международной конференции «Крупновские чтения», сопровождающаяся большим количеством фотографий (64). В

2014 г. этот же текст, но уже с другим названием и с иным набором фотографий, издаётся им же в материалах юбилейных XXVIII «Крупновских чтений» (65). Статья А.В. Найденко, вышедшая в 2004 г. во многом основана на некрологе, подготовленном В.А. Кузнецовым. Эти и другие факты подчёркивают необходимость всестороннего и комплексного анализа всей совокупности доступных сведений.

Материалы, посвящённые Е.И. Крупнову, с определённой регулярностью появляются и на страницах периодической печати. Так, в статье, опубликованной в газете «Кавказская здравница» за 1966 г., говорится о посещении Пятигорского краеведческого музея Е.И. Крупновым. Из записи в книге почётных посетителей следует, что гость ранее уже бывал в нем, и вновь отметил хорошо поставленную собирательскую и экспозиционную работу. По его мнению, выставленные материалы представляют большую научную ценность. Высказано пожелание успешного проведения реставрации музея (66).

Х. Биджиев информирует читателей об открытии 12 апреля 1977 г. в Карачаево-Черкесском НИИ экономики, языка и литературы конференции, посвящённой памяти Е.И. Крупнову (67). Подобные заметки появлялись в периодической печати и позднее (68).

В 1984 г., к 80-летию Е.И. Крупнова появляется статья Е.А. Алексеевой и Х. Биджиева. В ней авторы пишут, что за 40 лет им было издано 215 работ. В частности, отмечена научно-популярная брошюра «О чём рассказывают археологические памятники Чечено-Ингушской АССР». Далее следует привычный набор общих сведений, отмечается, что на территории Карачаево-Черкессии он археологических раскопок не вёл, но тема древней и средневековой истории карачаевцев и балкарцев в его трудах присутствовала. Редактирование коллективного труда «Древняя и средневековая история Кабардино-Балкарии» стало его последней работой. (69).

В 1989 г. Е.А. Алексеева в связи с 85-летию Е.И. Крупнова публикует ещё одну статью. Из неё мы узнаём, что

он в 1947-1949 гг. был заведующим сектором археологии в Кабардино-Балкарском НИИ. Заметим, что в связи с депортацией балкарцев институт тогда назывался КНИИ, и Е.И. Крупнов работал в должности по совместительству. Х. Биджиев делал первые шаги в археологии под его руководством. Указано на то, что юбиляр работал и в Карачаево-Черкессии, в частности – трижды посещал Черкесск – в 1958, 1961 и 1964 гг., где прочёл несколько лекций, помогал в работе местному НИИ. Вероятно, это не относится к собственно полевым археологическим работам (70).

В 1994 г. в газете «Северная Осетия» была опубликована статья А. Исаенко и В. Кучиева «Что написано в истории», посвящённая теории Е.И. Крупнова о т.н. единой в древности кавказской этнической среды. В ответ на неё, В.А. Кузнецов пишет другую статью – «Так что же написано в истории?» и публикует её в той же газете. Он считает, что эту теорию Е.И. Крупнову доказать не удалось, т.к. путь от единства к множественности, от монолитной и интегрированной, к среде раздробленной и дифференцированной – неверен. Правда, при этом и сам автор не приводит своей системы доводов. Для нас важно утверждение В.И. Кузнецова о том, что Евгений Игнатьевич, которого он хорошо знал, никогда не был т.н. «научной марионеткой» под гнётом идеологического заказа. Он мог заблуждаться, но на сделки со своей совестью не шёл никогда. Не стоит бросать тень на идею интернационализма – он был убеждённым интернационалистом, знал, любил и уважал народы Кавказа. По его мнению, А. Исаенко и В. Кучиев приписали своему оппоненту то, что было разработано В.А. Абаевым относительно этногенеза осетин. Е.И. Крупнова незаслуженно критикуют за идею двуприродности осетинского этноса (71).

В статье И.М. Чеченова, посвящённой 90-летию со дня рождения Е.И. Крупнова, приведена его детальная биография, во многом сходная с представленной в работе В.И. Кузнецова, за исключением эпизода работы юбиляра с 1930 по 1951 гг. научным сотрудником ГИМ. Отмечено, что в

ГАИМК (ИА АР РАН) работал с 1937 г., в КБНИИ – зав. сектором археологии по совместительству, обращено отдельное внимание на постоянную заботу Евгения Игнатьевича о развитии краеведения на Северном Кавказе. Перечислены его базовые работы, в том числе – и по КБАССР, отмечены открытия памятников на территории Кабардино-Балкарии, роль Е.И. Крупнова по сплочению археологов Северного Кавказа. Автор считает, что ему были чужды попытки приукрашивания или идеализации истории, он резко отрицательно относился к некомпетентности, лжепатриотизму. В г. Моздоке к 70-летию юбилею его именем были названы улица и школа. Его дело и наследство преумножается сегодня посредством проведения «Крупновских чтений» (72).

В начале 2013 г. в периодической печати Чечни было опубликовано письмо, написанное Е.И. Крупновым 15 января 1959 г. в ЦК КПСС в связи с трагическими событиями в г. Грозном 26-28 августа 1958 г., которое предварялось небольшой вступительной статьёй М.Х.Багаева, подготовившим документ к публикации (73). Его копия хранится в личном деле Е.И. Крупнова в архиве ИА РАН (74). В нём анализируются причины, способствовавшие формированию и проявлению анти – чечено-ингушских настроений, которые привели к всплеску националистических выступлений среди русского населения г. Грозного, связанных с возвращением кавказских народов к местам своего постоянного проживания после их депортации в 1944 г. Отдельно представлена ситуация вокруг Пригородного района, отмечено отсутствие взвешенной позиции по личностям генерала Ермолова и имама Шамиля, слабость идеологической работы с населением. Документ содержит, в том числе, и перечень конкретных шагов (рекомендации), которые смогли бы, по мнению автора, исправить сложившееся положение. В их числе – методическая помощь возрождённому ЧИНИИ, предложение чаще публиковать статьи по истории и культуре коренных народов края. Сам факт подобного открытого обращения в высшие эшелоны власти

говорит о мужестве и высокой гражданской позиции его автора.

Сведения о Е.И. Крупнове присутствуют в ряде справочных изданий (75). Подобные материалы размещены и в электронном формате (76).

В последние годы личность Е.И. Крупнова всё чаще становится востребованной и в общественно-политической жизни Северного Кавказа. Начало ей было положено ещё в 1974 г., когда состоялось открытие мемориальной доски на доме в г. Моздоке, в котором он родился и присвоением его имени одной из городских школ. В 2008 г. Президентом Ингушетии М.М. Зязиковым был подписан указ, которым имя Е.И. Крупнова было присвоено Археологическому центру при Министерстве культуры Республики Ингушетия и одной из улиц г. Магаса Республики Ингушетия, а Правительству Республики Ингушетия, совместно с Ингушским научно-исследовательским институтом гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева и Ингушским государственным университетом – поручалось провести в г. Магасе в 2010 году международную научно-практическую конференцию «Крупновские чтения» и переиздать книгу Е.И. Крупнова «Средневековая Ингушетия» (77).

В апреле 2014 г. в честь юбилея Е.И. Крупнова прошло несколько мероприятий, информация о которых размещена на ряде интернет-сайтов. Так, студентами исторического факультета ИнГУ 9 апреля в честь 110 – летия выдающегося кавказоведа и археолога Крупнова Е.И. было проведено заседание «Круглого стола», с приглашением учёных их Ингушского НИИ гуманитарных исследований (78). Встреча с учёными Ингушетии, посвящённая этому событию, прошла и в стенах Ингушского государственного музея краеведения им. Т. Мальсагова (79). Семинар на эту же тему 14 апреля 2014 г. состоялся в ГБУ «НИИ гуманитарных наук им. Ч.Ахриева» (80). Празднование 20-летия г. Магаса началось с открытия памятника Е.И. Крупнову и сквера его имени (81). В это же время публикуется и статья З. М.-Т. Дзараховой «Е.И. Крупнов – в истории научной

жизни Ингушетии» (82).

В РСО-А также прошли мероприятия, приуроченные к этой дате. Так, в Моздокском музее краеведения состоялась встреча с учеником Е.И. Крупнова – д.и.н. В.А. Кузнецовым, который поделился с присутствовавшими, в том числе – главой города Л. Токаевой, сотрудниками архива, библиотек и школ своими воспоминаниями о работе под руководством Евгения Игнатьевича. В дальнейшем, на эту тему в газете «Моздокский вестник» была опубликована обстоятельная статья (83).

В качестве некоторых выводов из проделанной работы отметим, что Е.И. Крупнов является своеобразным интеллектуальным и нравственным посредником между учёными и краоведами 20-30-х, а позднее – 50-70-х гг. прошлого столетия – с современной наукой. Он во многом определил как научные, так и общественные интересы своих многочисленных учеников и последователей, своим бескорыстным и высокопрофессиональным трудом создал базу и стратегические направления в изучении древностей Кавказа. Методы его работы с полевым материалом, манера общения со знатоками истории и обычными заинтересованными слушателями, традиция создания научно-популярных работ, рассчитанных на широкие слои местного населения, преподавателей и студентов ВУЗов до сих пор востребованы. В этом, на наш взгляд, заключается необходимость их популяризации и применения в современных реалиях. В настоящее время необходимо от отдельных фактов и личных воспоминаний его современников и последователей переходить к комплексному анализу личности кавказоведа, для чего следует разработать план поиска и выявить возможно большее количество новых данных. С этой целью следует работать с учениками Е.И. Крупнова по записи их воспоминаний, установить контакты с его ныне здравствующими близкими родственниками, публиковать фотоматериалы, найти и переиздать мало доступные газетные публикации, написанные им по итогам работ СКАЭ и размещёнными в региональных СМИ в 50-70-е гг. XX в. Вполне возможно, что

результатом этой работы станет издание отдельного труда монографического формата, который будет интересен будущим поколениям учёных и краеведам всего Кавказа.

Источники и литература:

1. Мунчаев Р.М. К 60-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова // СА, 1964 № 1, С. 3-7.

2. Виноградов В.Б. Выдающийся археолог и кавказовед // Сборник статей, посвящённый 69-летию Евгения Игнатьевича Крупнова. Грозный, 1964, С. 5-9).

3. Мунчаев Р.М. Луговой могильник // Древности Чечено - Ингушетии. М., 1963, С.139, сноска №4; Чернецов А.В. Список печатных работ Е.И. Крупнова // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, С. 8-18; Виноградов В.Б. Выдающийся кавказовед Е.И. Крупнов - патриот науки, России, Кавказа // МИАСК, вып.3. Армавир, 2003, С. 5-14. Библиографические сведения и дополнения к списку печатных работ Е.И. Крупнова подготовлены Е.И. Нарожным.

4. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

5. Наиболее полная сводка – см.: Козенкова В.И. Кобанская культура окружающий мир (взаимосвязи проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М., 2013. С. 150-152.

6. Виноградов В.Б. Через хребты веков. Грозный, 1970. С. 8-18.

7. Евгений Игнатьевич Крупнов (1904-1970) // ВИ, 1970 №1, С. 217; Евгений Игнатьевич Крупнов (некролог) // СА, 1971 №1, С. 311-314.

8. Мунчаев Р.М. Памяти автора // Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971, С. 5-9.

9. Кузнецов В.А. Евгений Игнатьевич Крупнов // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 1-7; Чернецов А.В. Список печатных работ Е.И. Крупнова // там же, С. 8-18; Виноградов В.Б. Выдающийся кавказовед Е.И.

Крупнов – патриот науки, России, Кавказа // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа, вып. 3, С. 12 – 13.

10. «Революция и горец», 1933 №5.

11. Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А. Рецензия на: «Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973» // Известия СКНЦВШ, серия «общественные науки», 1975 №1, С. 104-106.

12. Виноградов В.Б. Памяти Е.И. Крупнова // Археолого-этнографический сборник, т. IV. Грозный, 1976, С. 276-277.

13. Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. «Учитель, воспитателем ученика (Л.П. Семёнов и Е.И. Крупнов)» // Л.П. Семёнов – профессор-кавказовед, учёный-интернационалист. Тезисы докладов и сообщений республиканской научно-практической конференции. Грозный, 1986, С. 7-9.

14. Виноградов В.Б. Памяти вечная нить. Грозный, 1988, С. 114-116.

15. Мунчаев Р.М. Раскопки Бамутских курганов в 1965 году // АЭС, том II. Грозный, 1968, С. 131; он же: Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, С. 287.

16. Семёнов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг. Назрань, 2010.

17. Виноградов В.Б. О роли Б.Н. Гракова в изучении проблемы: «Скифия и Кавказ» // Тезисы докладов областной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвящённой 90-летию со дня рождения профессора Б.Н. Гракова. Запорожье, 1989, С. 186-189.

18. Виноградов В.Б. Они сохранили для будущих исследователей (Е.И. Крупнов и краеведы-археологи) // Археология и краеведение – ВУЗу и школе. Тезисы докладов и сообщений III региональной научно-практической конференции. Грозный, 1989, С. 6-8.

19. Виноградов В.Б. Они были разными, но служили одному доброму делу // Археология и краеведение Кавминвод. Материалы 1-й региональной конференции. Кисловодск, 1992, С. 10.

20. Козенкова В.И. Евгений Игнатъевич Крупнов (к 90-летию со дня рождения) // РА, 1994 №1, С. 191-196.

21. Чеченов И.М. К 90-летию рождения Е.И. Крупнова // Материалы XVIII «Крупновских чтений» по археологии Северного Кавказа. Предисловие к тезисам докладов. Кисловодск, 1994, С. 3-5; Крупнов Е.И. Исторические сведения об ингушских племенах до XIX в. // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977, С. 160-175.

22. Виноградов В.Б. Из переписки с Е.И. Крупновым 30 лет назад // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа, вып. VIII (Крупновские чтения 1971-2006). М., 2008, С. 606-607.

23. Виноградов В.Б. Из переписки с наставниками (Б.В. Граковым, Е.И. Крупновым, А.И. Тереножкиным) // Серия: Из эпистолярного наследия. Вып.1. Армавир, 1999, С. 5, 12, 14; Виноградов В.Б., Лысогор Е.Н. Фрагменты переписки Е.И. Крупнова с В.Б. Виноградовым (1961-1965 гг.) // Серия: Из эпистолярного наследия. Вып.4. Армавир, 1999.

24. Виноградов В.Б. Они были разными, но служили одному доброму делу // Археология и краеведение Кавминвод. Материалы 1-й региональной конференции, С. 10.

25. Марковин В.И. Материалы по археологии горной части Восточной Чечни // АЭС, т. 1. Известия ЧИНИИИЯЛ, т. VIII, вып. 1. Грозный, 1966, С. 128,133.

26. Виноградов В.Б. Они стояли у истоков... // Материалы 6-й международной научно-практической конференции, посвящённой 35-летию научно-педагогической школы В.Б. Виноградова. Часть I. Армавир, 1999, С. 11-13.

27. Мунчаев Р.М. Крупнов Евгений Игнатъевич (1904-1970) // Институт археологии: история и современность. М., 2000 г., С. 139-142.

28. КБИГИ – 75 лет. Нальчик, 2001, С. 58-60.

29. Крупнов Е.И. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи // Труды ГИМ, вып. XVII. М., 1948, С. 7-55.

30. Мунчаев Р.М. К истории археологического изучения Чечни (из итогов работ Северо-Кавказской экспедиции в

1957-1968 гг.). // Культура Чечни: история и современные проблемы. М., 2002, С. 5,9.

31. Виноградов В.Б. Большое видится на расстоянии (к 100-летию Е.И. Крупнова) // Десятые чтения по археологии Средней Кубани (краткое содержание докладов). Армавир, 2003, С. 3-4.

32. Виноградов В.Б. Выдающийся кавказовед Е.И. Крупнов – патриот науки, России, Кавказа // МИАСК, вып.3. Армавир, 2003, С. 5-14.

33. Кузнецов В.А. Эльхотовские ворота в X-XV веках. Владикавказ, 2003, С. 6.

34. Мунчаев Р.М. Евгений Игнатьевич Крупнов: к столетию со дня рождения // РА, 2004 г. №1, С. 5-14; Козенкова В.И. Серебряный голос верности (к 100-летию Евгения Игнатьевича Крупнова) // там же, С. 167-172.

35. Архив ИА РАН, р- 6, №87, Л. №7; Крупнов Е.И. Кавказ в I тысячелетии до нашей эры (опыт экспозиции археологического материала в ГИМ) // «Советский музей», 1936 №5, С. 39-50.

36. Найденко А.В. Евгений Игнатьевич Крупнов (к 100-летию со дня рождения) // Ставропольский хронограф за 2004 г. Ставрополь, 2004, С. 90-98.

37. Крупнов Е.И. Древняя история Кавказа // Ставропольская правда, 1963 г. за 31 марта, С. 4.

38. Дударев С.Л., Мамаев Х.М., Петренко В.А. Рецензия на «Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973 г.» // Известия СКНЦВШ, серия «общественные науки», 1975 г. №1, С. 104-106.

39. Кузнецов В.А. Начало «Крупновских чтений» (немного воспоминаний) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа, вып. VIII (Крупновские чтения 1971-2006). М., 2008, С. 31-32; Козенкова В.И. «Жил с чистым сердцем...» // там же, С. 33-42.

40. Мужухоев М.Б. Выдающийся советский археолог-кавказовед Е.И. Крупнов и актуальные проблемы истории Кавказа // XXVI «Крупновские чтения» по Археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной конфе-

ренции. Магас, 2010, С. 258-263.

41. Гадиев У.Б. Е.И. Крупнов и археологические памятники Ингушетии // там же, С. 101-104.

42. Чеченов И.М. К историографии развития археологии на Северном Кавказе: Крупнов Е.И. (1904-1970 гг.) и «Крупновские чтения» (1971-2012 гг.) // Археология и этнология Северного Кавказа, вып.2. Нальчик, 2012, С. 51-73.

43. Козенкова В.И. Неизвестные данные о т.н. «Курчалоевском кладе» из Чечни // XXVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции. Махачкала, 2012, С. 63-66.

44. Багаев М.Х. Кавказовед Евгений Игнатьевич Крупнов (к 110-летию со дня рождения) // Вестник АН ЧР, 2013 г. №4, С. 117-119.

45. Указ Президента Ингушетии М.М. Зязикова №91 от 22.05.2004 г.; опубликован: <http://www.fpa.su/regzakon/ingushetiya/ukaz-prezidenta-respubliki-ingushetiya-ot-22-maya-2004-g-n-91-o-nagrazhdenii-ordenom-za-zaslugi-kрупнова-e-i/>.

46. Чеченов И.М. К 110-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (1904-1970 гг.): Крупнов и «Крупновские чтения» (1971-2012 гг.) // XXVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции. М., 2014, С. 12-41.

47. Бурков С.Б. Северокавказские и предгорно-плоскостные экспедиции: этапы в изучении памятников раннего железного века Чечни // там же, С. 223-225.

48. Архив ЛОИА РАН, ф. 2,1/1935, д. №97; там же, ф. 2, 1/1937, д. №№242, 257.

49. ЦГА РСО-А, наименование: «Семёнов Л.П. (1886-1959), профессор-лингвист», р.ф. №781, оп. №1, д. №№1-53; Метревели О.Г. Научное наследие профессора Л.П.Семёнова в Центральном государственном архиве СОАССР // Научное наследие Л.П. Семёнова и проблема комплексного изучения литературы и культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988, С. 149-150.

50. АО Администрации МО г. Армавир, ф.р. – 97, оп. 1,

д. №№1–162.

51. Моздокский музей краеведения, р.ф., папки №№13 и 13 «а». Автор признателен директору музея Чельдиевой С.Я. за возможность ссылки на данные материалы.

52. Архивная справка №11 от 19.05.2014 г. на запрос от 16.05.2014 г. НВА ОПИ ГИМ. Оп. 1л. Ед.хр. 71. Автор признателен научному сотруднику отдела археологических памятников ГИМ Кадиевой А.А. за помощь в получении данной информации.

53. КБИГН – 75 лет. Нальчик, 2001, С. 59.

54. История Ингушетии. Ростов-на-Дону, 2012. С. 415-417; Дзарахова З. М.-Т. Развитие гуманитарной науки в Республике Ингушетия // radio_angusht.ru.

55. Мамаев Р.Х. К истории археологического изучения Чечни в 20-30-х годах XX в. // Вестник Воронежского государственного университета, серия «История, политология, социология», 2012 г. №2, С. 120-121.

56. Дахкильгов И.А. Фольклористическая деятельность Е.И. Крупнова // <http://www.ingushetia.ru/m-news/archives/012487.shtml>.

57. Виноградов В.Б. Памяти вечная нить. Грозный, 1988, С. 115.

58. Крупнов Е.И. Об очередных задачах охраны памятников истории и культуры Северного Кавказа. Вступительное слово на зональном совещании в г. Орджоникидзе 6 июня 1967 г. Центральный совет ВООПиК, 5 октября 1967 г. (отельный оттиск), С. 10; он же: Задачи ВООПиК в изучении и охране археологических памятников. Материалы семинара, май 1968 г. Центральный совет ВООПиК. М., 1969.

59. Нарожный В.Е. Евгений Игнатъевич Крупнов – исследователь Ингушетии (К 40 – летию со дня кончины) // Культурная жизнь Юга России. Краснодар, 2011, №2, С. 75 – 77.

60. Крупнов Евгений Игнатъевич (1904-1970). Российские исследователи Кавказа. Серия истории, этнологии, этнографии, вып. 1. Армавир, 1994.

61. Крупнов Евгений Игнатъевич (1904-1970). Российские

исследователи Кавказа. Серия истории, этнологии, этнографии, вып.1. Армавир, 1994, С. 5-13.

62. Виноградов В.Б. Выдающийся кавказовед Е.И. Крупнов – патриот науки, России, Кавказа // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа, вып. 3. Армавир, 2004, С. 5-14.

63. Виноградов В.Б. Памяти вечная нить, С. 121-126.

64. Чеченов И.М. К историографии развития археологии на Северном Кавказе: Крупнов Е.И. (1904-1970 гг.) и Крупновские чтения (1971-2012 гг.) // Археология и этнология Северного Кавказа», вып. 2. Нальчик, 2012, С. 51-73.

65. Чеченов И.М. К 110-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (1904-1970 гг.): Крупнов и «Крупновские чтения» (1971-2012 гг.) // XXVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции. М., 2014, С. 12-41.

66. Горский М.Г. Гость музея // Кавказская здравница, 1966 г. №123 за 21 июня.

67. Биджиев Х. Памяти ученого // Ленинское знамя, 1977 г. за 31 марта.

68. Соснина Е.В. Память о Крупнове // Пятигорская правда, 1996 г. №52 за 12 мая.

69. Алексеева Е.А., Биджиев Х. Во имя науки: (К 80-летию со дня рождения Е. И. Крупнова) // Ленинское знамя, 1984 г. №59 за 24 марта.

70. Алексеева Е.А. Память об ученом: (К 85-летию со дня рождения выдающегося археолога-кавказоведа Е. И. Крупнова) // Ленинское знамя, 1989 г. за 17 марта.

71. Кузнецов В.А. Так что же «записано в истории»? : (К 90-летию со дня рождения Е. И. Крупнова) // Северная Осетия, 1994 г. №70 за 14 апреля, С. 2, 3).

72. Чеченов И.М. Знал и любил Кавказ: (К 90-летию со дня рождения Е.И. Крупнова) // Кабардино-Балкарская правда, 1994 г. №53 за 22 марта, С. 3.

73. Багаев М.Х. Геройский поступок // Вести Республики, №18 (1951) за 30 января 2013 г.

74. Архив ИА РАН, ф. 13/105, Л.Л. 1-11.

75. Крупнов Е.И. // Советская историческая энциклопедия. М., 1965, С. 187; Крупнов Е.И. // БСЭ. М., 1975, С. 497; Крупнов Е.И. Советский энциклопедический словарь. М., 1982, М., 1986, С. 669; Антология советской археологии (1941-1956). Том III. М., 1966, С. 250-251; Мунчаев Р.М. Крупнов Евгений Игнатьевич (1904 – 1970) // Институт археологии: история и современность. М., 2000 г., С. 139-143.

76. www.ingushetia.ru; <http://ru.wikipedia.org/wiki/>; <http://alcala.ru/bse/izbrannoe/slovar-K/K18531.shtml>; <http://mozdokportal.ru/content/lico-goroda/evgeniy-ignatevich-krupnov~1865>.

77. Указ №219 от 15 мая 2008 года – опубликовано: // «Сердало», №76 (10017) за 17 мая 2008 г.

78. <http://www.inggu.ru/index.php/9-news/241-kruglyj-stol-na-istoricheskom-fakultete>.

79. <http://www.sdelanori.ru/news/3103/>.

80. «Ингушетия», №72-73 за 17 мая 2014 г.

81. http://bakdar.org/view_index.php?id=2789;

<http://www.inggu.ru/index.php/9-news/237-110-letie-vydayushchegosya-kavkazoveda-i-arkheologa-krupnova-evgeniya-ignatevicha>.

82. <http://www.magas.ru/content/e-krupnov-istorii-nauchnoi-zhizni-ingushetii>.

83. Толмачева А., СНС Моздокского музея краеведения. Евгений Крупнов – слава земли Моздокской // «Моздокский вестник» от 12 марта 2014 г.; mozdokvest@yandex.ru; <http://nyhasmozdok.ru/evgeniy-krupnov-slava-zemli-mozdokskoy/>; http://vestnik.mozdok.org/news/nashi_imenitye_zemljaki/2014-03-12-11937.

Вклад Е.И. Крупнова в изучение ингушского фольклора

М.А. Матиев

Евгений Игнатьевич Крупнов (1904-1970) является одним из самых известных кавказоведов. Он был, прежде всего, специалистом по истории Северного Кавказа. Перу Е. И. Крупнова принадлежит около 200 научных работ. Они посвящены вопросам археологии, этногенеза, древней и средневековой истории и культуры Кавказа. Много и с большой любовью написано им об Ингушетии и ингушском народе. Именно здесь, на территории нашей республики и началась научная деятельность Е.Крупнова. Монографии Е. Крупнова, в том числе одна из лучших его работ под названием «Средневековая Ингушетия» (Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. – М., 1971), являются настольными книгами современных ингушеведов.

О теплом отношении Е.Крупнова к ингушскому народу красноречиво говорят его слова в предисловии к книге «Средневековая Ингушетия»: «Публикацией этой работы я выполняю, правда, с большим опозданием, свой долг перед кавказоведением и, в первую очередь, перед ингушским народом. Историей и культурой этого народа я заинтересовался еще, будучи студентом МГУ и участвуя в 1928-1930 гг. в археолого-этнографических экспедициях, возглавляемых проф. Л.П. Семеновым».

Но Е.И. Крупнов интересовался не только историей, в сфере его научных интересов был и фольклор, в том числе – ингушский. Ингушский фольклор Е.И. Крупнов начинает записывать уже в 20-30-х годах 20-го века, когда он был участником нескольких археолого-этнографических экспедиций в горной Ингушетии.

Позже Е. Крупнов напишет: «...неожиданно для себя обнаружил старую записную книжку с записями нескольких устных народных рассказов, услышанных мною в 1929-1930 годах в аулах Ингушетии... Записывались подобные рассказы обычно в ненастные дни, в дни вынужденного безделья,

когда приходилось сидеть в кунацкой и под непрекращающийся шум дождя с захватывающим интересом слушать народных рассказчиков. А они есть почти в каждом горном ауле – хранители народной мудрости и эпического творчества своего народа». (Крупнов Е. И. Несколько ингушских народных сказаний // АЭС. ЧИНИИИЯЛ. – Т. 2. – Грозный, 1968. – С. 252). Так, например, он записал несколько интересных преданий и сказаний ингушей: «Сказание о Нарте Соска Солсе», «Сказание о Тэт-Батыке», «Сказание о знатном иноземце Ерте», «Сказание о бесстрашном муже и находчивой жене» и др. Конечно, о жанровой принадлежности записанных Е. Крупновым текстов, мягко говоря, можно поспорить, т.к., сказанием из перечисленных текстов является лишь один, о чем уже писалось (см., например: Дахкильгов И.А. Фольклористическая деятельность Е. И. Крупнова // Газ. «Сердало». – 2010). Среди текстов, записанных Е.И.Крупновым в горах Ингушетии, есть произведения, которые до него никто не записывал, к примеру, «Сказание о Тэт-Батыке» (Антология ингушского фольклора. – Т. 8. – Нальчик, 2012). Кстати, после Крупнова никто не записал других вариантов этого текста (по крайней мере, они не опубликованы), более того, даже имя Тэт-Батык нигде в фольклорных записях больше не упоминается.

Говоря о ценности фольклорных записей Е.И. Крупнова, известный исследователь ингушского фольклора И.А. Дахкильгов называет их замечательными и пишет: «Значительно позднее Крупнова было записано и опубликовано предание, содержание которого можно признать вариантом крупновского «Сказания о бесстрашном муже и находчивой жене», что, естественно, совершенно не умаляет приоритет крупновской записи. Остальные три сказания и предания зафиксированы именно Крупновым ...» (Дахкильгов И.А. Фольклористическая деятельность Е. И. Крупнова // Газ. «Сердало». – 2010).

Особенно должны мы быть благодарны ученому за его интересные, хотя и неполные, паспортные данные к этим произведениям. Так, например, комментируя свои записи

«Сказание о нарте Соска-Солса» и «Сказание о Тэт-Батьке», Е. Крупнов поясняет, что они записаны в 1929 году в горном селении Салги от Белала Эльджаркиева. Помогал ему в качестве переводчика известный ингушский художник Х.-Б. Ахриев, работавший в свое время сотрудником Ингушского НИИ краеведения во Владикавказе. Два других текста сопровождаются более короткими паспортными данными о том, что «Сказание о знатном иноземце Ерте» записано со слов жителя Эгикала Хасана Аушева, а «Сказание о бесстрашном муже и находчивой жене» записано в ауле Шуан (Шоан). Оба упомянутых Е. Крупновым информатора были известными среди ингушей знатоками фольклора.

Что касается Х.-Б. Ахриева, который позже был репрессирован и умер в лагере, то Е.И. Крупнов о нем написал: «Публикацией нескольких ингушских сказаний я бы хотел отдать дань глубокого уважения памяти безвременно погибшего в 30-е годы оригинального ингушского художника и замечательного человека Хаджи-Бекира Ахриева, которому я обязан моим ранним и непосредственным знакомством с прекрасной природой Ингушетии и с образцами устного творчества ее народа».

Хотя текстов, записанных Е.И. Крупновым, немного, он тщательно исследовал уже опубликованные сборники и сделал ряд интересных выводов, в том числе, о таком сложном феномене ингушского фольклора, как нартский эпос. Большую роль сыграл он в споре о происхождении нартского эпоса в годы, когда в среде нартоведов была популярна идея о том, что основные сюжеты и образы нартиады привнесены на Кавказ кочевниками. Считалось, что аборигены Кавказа, в том числе и ингуши, просто заимствовали нартский эпос. Позиция Е.И. Крупнова была твердой и решительной: «И сейчас, вновь со всей категоричностью хотел бы подчеркнуть свой главный тезис о том, что героический нартский эпос – это результат самобытного (а не заимствованного) творчества сугубо местных кавказских племен, носителей родственных языков, развившихся на основе древнего и единого кавказского субстрата. Поэтому не случайно нартский эпос

возник и развивался в таких районах Северного и Западного Кавказа, на территории которых на рубеже бронзового и железного веков бытовали морфологически близкие между собой, так называемые археологические культуры: кобанская, прикубанская и колхидская. Они развились и развивались также на базе более древних родственных культур эпохи бронзы. Ныне же на этой территории проживают чеченцы, ингуши, кабардинцы, черкесы, адыгейцы, абазинцы и абхазы, т.е. народы, принадлежащие к особой, так называемой кавказской языковой семье, отличной от всех языковых систем мира. Здесь я сознательно не упоминаю ираноязычных осетин, проживающих на северном склоне Центрального Кавказа и тюркоязычных балкарцев и карачаевцев, также представляющих один и тот же единый так называемый кавкасионский антропологический тип, как и все адыги и вайнахи. И наличие у них, в особенности у осетин, развитых циклов нартского эпоса, для меня служит одним из доказательств их сугубо местного, а не пришлого происхождения. Только на протяжении столетий они сменили свой язык: одни племена, как осетины – на иранский, другие – балкарцы и карачаевцы – на тюркский языки». (Крупнов Е.И. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – М., 1969. – С. 19-20). Эта мысль высказана Крупновым и в других работах (Крупнов Е.И. Изучение нартского эпоса и археология // АЭС. ЧИНИИИЯЛ. – Грозный, 1966. – С. 29-41; Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность // СА. – №1. – М., 1964).

Таким образом, будучи прекрасным специалистом по истории, культуре, фольклору народов Кавказа, Е.И. Крупнов смог сделать ряд важных и правильных выводов, четко их сформулировать, обосновать и доказать. Эти выводы послужили и продолжают служить базой, основой для научных изысканий следующих поколений кавказоведов. В этом главная заслуга Е.И. Крупнова перед наукой и Кавказом. Как показывают его работы, он внес значительный вклад и в изучение ингушского фольклора.

Вклад учеников Е.И. Крупнова в изучении археологии Абхазии

А.И. Джотуа, В.А. Ньюшков

Очевиден тот факт, что все работы Е.И. Крупнова посвящены древней и средневековой археологии и истории Кавказа. Скрупулезно занимаясь историей Северного Кавказа, Е.П. Крупнов, как кавказовед, всегда обращал внимание, в первую очередь, на этническую сторону, на этногенез кавказских народов. Но изучение такой сложной темы, как этническая история, без увязки с Южным Кавказом, с теми этническими процессами, которые происходили в этом регионе, подготовить полноценное, комплексное исследование невозможно. Поэтому монография Е.И. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа», которую нам хотелось бы отметить, и является тем комплексным исследованием, основанным на богатом археологическом материале, где известный археолог отразил и древнюю историю Абхазии, и всего Восточно-Причерноморского региона с конца бронзового и начала железного века (I тыс. до н.э.).

Касаясь конкретно территории Абхазии, Е.И. Крупнов в своём фундаментальном труде, говоря, в частности, о проникновении скифов и их культуры на территорию Абхазии и в Колхиду через Прикубанье, отметил, что убеждающим мотивом этого представляются погребения VII-VI вв. до н.э. (с типичным скифским инвентарем и с чертами скифского погребального обряда), вскрытые в 1948 и в 1951 г. М.М. Трапшем в с. Куланурхуа, близ г. Гудаута, находка 1951 г. железного акинака в великолепных бронзовых ножнах у сел. Колхида Гагрского района и т.д. Исследователь отмечал, что данные аргументы говорят «в пользу признания и восточно-черноморского пути, как одной из возможных дорог, пройденных скифами при их продвижении в Западное Закавказье и в Малую Азию» (Крупнов, 1960. С. 64). Большое внимание в данной работе Е.И. Крупнов уде-

лил колхидской культуре и её синхронности с кобанской, отмечая поразительное сходство отдельных категорий кобанской культуры центральной части Северного Кавказа с обильными находками из бронзы из районов Юго-Осетии, Имеретии, Абхазии и далее на юг до северного побережья Турции. В тоже время, Е.И. Крупнов считал весьма близкой, но всё же – несхожей кобанскую культуру от колхидской культуры, отмечая, что Эшерский могильник в Абхазии близок к кобанской бронзе, «но это не кобанская культура» (Крупнов, 1960. С. 80).

Между тем, составной частью разносторонней деятельности Е.И. Крупнова стала подготовка научных кадров в области кавказской археологии. В этом направлении он вел большую работу. Ученики Евгения Игнатьевича сегодня успешно трудятся как в Москве, так и во многих научных центрах республик Северного Кавказа: О.М. Давудов, В.И. Козенкова, И.М. Чеченов, В.А. Кузнецов, М.Б. Мужухоев, Р.М. Мунчаев, М.Х. Багаев и др., Азербайджана: Т.А. Бунятов, И.Г. Нариманов и др., Абхазии: В.В. Бжания, О.Х. Бгажба. Остановимся на двух последних (наших соотечественниках) учениках Е.И. Крупнова, археологах: Вадиме Викторовиче Бжания и Олеге Хухутовиче Бгажба и на их работах.

В.В. Бжания. Свою научную деятельность В.В. Бжания начал на поприще изучения и сохранения исторического наследия Абхазии в Абхазском государственном музее. Тогда же у него наметился определённый интерес к изучению древней истории Абхазии. В 1962 г. он поступает в аспирантуру и в 1966 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию в Москве. Её тема – «Древнейшая культура Абхазии (эпоха неолита и ранней бронзы)» посвящена сложной и для того времени мало разработанной проблеме – выявлению характерных признаков археологической культуры, распространенной на территории Кавказского Причерноморья в эпоху освоения человеком раннего металла (IV-II тыс. до н. э.), определению границ распространения культуры и взаимоотношению с соседними культурами, перио-

дизации отдельных памятников, характеристике главных направлений хозяйства древних жителей Абхазии, их материальной и духовной культуры.

Важным моментом в диссертации В.В. Бжания является то, что развитие местной материальной культуры он выводит уже с эпохи неолита (VI тыс. до н.э.), которая без заметных перерывов продолжается до середины I тыс. до н.э., когда уже греческие и римские авторы помещают древнеабхазские племена на восточном побережье Черного моря что, в свою очередь, позволило определить условно границы распространения и отметить общие корни единой неолитической культуры Черноморского побережья. В результате исследователем был сделан вывод о возможном единстве культур энеолита и ранней бронзы на Черноморском побережье Кавказа. Таким образом, выводя материальную культуру абхазо-адыгских племён с эпохи неолита и ранней бронзы, В.В. Бжания «удревнил» их появление на Северо-Западном Кавказе, как минимум, на три тысячи лет (Бжания, 1966. С. 23).

Нельзя не отметить, что в 1960-е годы крупные работы в районе Большого Сочи проводил Причерноморский отряд ИА АН СССР под руководством В.В. Бжания. Многолетнее изучение памятников неолита исследователем завершилось большой работой, которая была опубликована в многотомном издании «Археология СССР» в томе «Неолит Кавказа» (Бжания, 1996. С. 73-86). Здесь же следует указать и памятники, которые были изучены на территории Абхазии В.В. Бжания. Это: Мачарское поселение, Тамышское поселение, поселение Кистрик, грот Юпсы, медно-рудниковые шахты Башкапсара. Его учениками стали более 10 молодых абхазских археологов, многие из которых и сегодня успешно трудятся на археологической ниве.

О.Х. Бражба. В 1968 г. начинающий ещё тогда молодой учёный О.Х. Бражба поступил в аспирантуру при Институте археологии АН СССР. В 1972 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Материальная культура средневековой Абхазии (VI – XIII вв.)», посвящённую гончарно-

му производству, железному делу (с использованием петрографического, спектрального и металлографического анализов) и монументальной архитектуре на территории Абхазии. Диссертантом были подробно рассмотрены на примере археологического материала фортификационные сооружения: Анакопийская крепость, Сухумская крепость, замок Баграта, находящийся в северо-восточной части г. Сухума и имеющий в плане форму полукруга, по времени относимый к позднему средневековью, Великая Абхазская стена (Келасурская) – памятник, имеющий длину более 100 км. Им было высказано предположение, что интенсивное строительство данного памятника в эпоху Юстиниана только началось и была создана большая часть укрепления, стена достраивалась и в последующее время (Бгажба, 1972. С. 13). Уже в более поздней своей работе О.Х. Бгажба пересмотрел свои взгляды по данной теме и датировал стену по трём им совместно с Ю.Н. Вороновым раскопанным башням Багмаранского участка Келасурской линии XII – XIII вв. (Бгажба, 2003. С. 62-67). Следует отметить, что и другие архитектурные памятники как: крепости Герзеул, Ачапара, Цабал О.Х. Бгажба на протяжении всей его научной деятельности были тщательно изучены.

С 1977 – по 1986 гг. исследователь принимает активное участие в Цебельдинской археологической экспедиции в окрестностях с. Цабал (Абхазия). О.Х. Бгажба, наряду с Ю.Н. Вороновым, вслед за М.М. Трапшем, открывшим Цебельдинскую культуру, подтвердили её существование. Раскопки, которые ими велись в крепости Цабал и в её округе, обогатили науку множеством уникальных находок, иллюстрирующих самобытную культуру древних апсиров, а Цебельдинский крепостной комплекс ими был датирован 30-ми гг. VI в. Такую точность датировки, придав ей значимость, Э.Я. Николаева подтвердила и для крымских памятников ранневизантийской эпохи (Николаева, 1989. С. 271-273). Надо подчеркнуть, что О.Х. Бгажба является и первооткрывателем самых ранних мечей из дамасской стали (III – IV вв.) на территории тогда ещё СССР, найденных

в районе данного села. В ходе этой экспедиции им также была скрупулезно исследована одностолпная базилика Шапкы VI века в одноимённой крепости.

В 1995 году О.Х. Бгажба защищает в Москве уже докторскую диссертацию «История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.)», используя, при её написании, металлографический анализ. В частности, в Абхазии он был первым, кто его освоил. Основываясь на результатах археологических материалов из поселений и могильников Колхиды I тыс. до н. э. и на данных металлографических анализов, исследователь выделил несколько самостоятельных этапов в развитии железного века в Западном Закавказье; ранний же этап им датируется VIII веком до н. э., когда первые изделия из чёрного металла были зафиксированы в Абхазии в ряде комплексов (Бгажба, 1995. С.19). Этим же временем (т.е. VIII в. до н. э.), кстати, датировал и Е.И. Крупнов появление железа на Северном Кавказе в комплексах, в частности, на примере железных топоров, обнаруженных на Каменномостском могильнике (Крупнов, 1960. С. 107).

И сегодня уже их ученики, в том числе, авторы данных строк, воздавая дань их научным исследованиям в области изучения древнейших периодов истории Абхазии, продолжают и дальше работать в этом направлении, принося новое в развитие истории Абхазии и всего Кавказа.

Литература

Бгажба О.Х. Материальная культура средневековой Абхазии (VI –VII вв.). Автореферат диссертации на соискание учёной степени к.и.н. М., 1972.

Бгажба О.Х. История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н. э. – середина II тыс. н.э.). Автореферат диссертации на соискание учёной степени д.и.н. М., 1995.

Бгажба О.Х. Где проходила «Клисура» Джуаншнера? // Абхазоведение. Выпуск II. Сухум, 2003.

Бжания В.В. Древнейшая культура Абхазии (эпоха неолита и ранней бронзы). Автореферат диссертации на соискание учёной степени к.и.н. М, 1966.

Бжания В.В. Кавказ // Археология СССР. Неолит Степной Евразии. М., 1996.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Николаева Э.Я. Рец. на Ю.Н. Воронова, О.Х. Бгажба. Материалы по археологии Цебельды (Итоги исследований Цибелиума в 1978-1982 гг.) // Советская археология, №2. М., 1989.

Е.И. Крупнов и христианские памятники Ингушетии

У.Б. Гадиев

На территории Ингушетии до настоящего времени насчитывалось три классических культовых христианских памятника: храмы Тхаба-Ерды, Алби-Ерды и Таргимский. Первый из них – один из древнейших в России. Он же самый крупный памятник христианства на Центральном и Северо-Восточном Кавказе.

Храм Тхаба-Ерды в 1947 году изучается Е.И. Крупновым (Крупнов, 1947). Ученый приходит к выводу, что памятник построен в два периода. Первый – не ранее XII века, вероятно при царе Грузии Давиде Строителе, что, в принципе, согласовывалось и с мнением М.Б. Мужухоева (Мужухоев, 1977, с.112-120). Второй период – «после XIII века» (Крупнов, 1947, с. 123-125).

Помимо научного изучения Тхаба-Ерды Е.И. Крупнов также активно способствовал реставрации данного памятника. В 1960-е гг. ученый обращается в Правительство ЧИАССР с письменным ходатайством о восстановлении Тхаба-Ерды. Как результат, в конце 1969-1970 гг. на храме организуются ремонтно-реставрационные работы.

Недавно круг памятников христианства Ингушетии, изучением которых, в том числе, занимался и Е.И. Крупнов, расширился. Автором этих строк в горной зоне Ингушетии, в местности «Галгай-наарге» (инг. «ворота ингушей») открыт новый памятник христианства – небольшой одноапсидный храм. Постройка сильно руинирована и сохранилась на максимальную высоту до 2.6 м (северная стена). Западная стена разрушена практически до уровня современной дневной поверхности. Здание храма вытянуто по оси запад-восток. Размеры: длина – ок. 9 м, ширина – до 4.5 м. Толщина стен – 0.8 м. Апсида не выдается наружу. Ее дуга образует диаметр 1.5 м. Апсида переходит в зал через угловые заплечины размером 20 см.

Рис.1. Антропоморфная ниша в интерьере выявленного христианского храма. Местность «Галгай-наарге». Горная Ингушетия.

В интерьере наблюдаются фрагменты гладкой бело-желтой штукатурки. В северной стене фиксируются остатки двух антропоморфных ниш-углублений. Последнее – доселе неизвестный прием оформления интерьера христианских храмов горной Ингушетии. По-видимому, аналогов подобным элементам нет и на памятниках христианства Северного Кавказа. Со всей осторожностью можно предположить, что в рассматриваемых нишах могли заключаться фрески с изображениями христианских святых. Предварительная датировка храма – XIII век.

Литература:

Крупнов Е.И. Грузинский храм «Тхаба-Ерды» на Северном Кавказе // КСИИМК, вып. XV, М., 1947.

Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии (XIII-XVIII вв.). Грозный, 1977.

И.П. Щеблыкин и его исследования на Кавказе (к 130-летию со дня рождения И.П. Щеблыкина)

Т.А-Х. Дзаурова

В этом году исполняется 130 лет со дня рождения выдающегося кавказоведа, этнографа, художника Ивана Павловича Щеблыкина.

И.П. Щеблыкин родился в г. Воронеже в 1884 году. Детство Ивана Щеблыкина прошло на Кавказе – в гг. Тбилиси, Грозный, Владикавказ. В детстве он живо интересовался древними памятниками Грузии. Заметив его интерес, отец помог ему поступить на архитектурно-художественное отделение Казанского училища. По воспоминаниям самого Щеблыкина в годы, проведенные в Тифлисе, он «знакомился с памятниками, расположенными как в ближайших окрестностях города, так и в более отдаленных местах: в Абхазии, Мингрелии, Сванетии, центральной Грузии..., Хевсуретии, Тушетии... и других местах Закавказья» [Семенов Л.П. Из истории работы музея краеведения Северо-Осетинской АССР по изучению памятников материальной культуры Северной Осетии. Дзауджикау, 1952. С. 6].

Успешно окончив училище, он вместе с семьей переезжает жить сначала в г. Грозный (1909 г.), затем в г. Владикавказ (1914 г.), где занимается преподавательской деятельностью в Учительском институте и Кадетском корпусе. В те же годы он заведует Художественной школой.

В 1921 году И.П. Щеблыкина пригласили в Научный музей Северо-Кавказского института краеведения, где и начался его путь в науку. С созданием в г. Владикавказе Северокавказского института краеведения (1920-1926 гг.), проводившего исследования на территории всего края, начинается активное развитие науки в Ингушетии. В декабре 1926 г. решением Наркомпроса РСФСР в городе Владикавказе был создан Ингушский научно-исследовательский институт. Штатный состав НИИ был многонациональным: А.К. Вильямс, Л.Б. Бене, В.Ф. Раздорский, Х-Б.Б. Ах-

риев, З.К. Мальсагов, Г. Мартиросиан, Л.П. Семенов, И.П. Щерблюкин, и др. В эти годы были созданы многие труды об истории и культуре ингушского народа. Значительная часть собранных материалов издавалась в «Известиях» Ингушского института краеведения.

И.П. Щерблюкин работал научным сотрудником Ингушского и Осетинского музеев краеведения, принимал участие в создании отделов этнографии и археологии. Часто к нему обращались в те годы как к художнику и этнографу. Он создавал многочисленные рисунки и фотографии, принимал участие в экспедициях по Дагестану, стоял у истоков Дагестанского института краеведения, принимал участие в создании различных экспозиций, выставок музея. И.П. Щерблюкин был многогранным человеком: картографом и фотографом, художником и учёным. И.П. Щерблюкин принимал участие во многих краеведческих научных конференциях на Кавказе, в Ленинграде и Москве.

В настоящей статье автор акцентирует внимание на огромной работе, проведённой И.П. Щерблюкиным в деле изучения памятников Ингушетии. Им сделаны многочисленные зарисовки архитектурных памятников: жилых и боевых башен, культовых сооружений, надмогильных памятников (чуртов) и других предметов материальной культуры. Его рисунки, фотографии и полевые записи использовали в своих трудах многие ученые. Например, Е.И. Крупнов в своих фундаментальных трудах часто делал ссылки на Щерблюкина [Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., Изд-во Наука, 1971. С. 135], а также В.И. Марковин [Марковин В.И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры// Архитектурное наследство. Вып. 23. 1975. С. 122], В.П. Кобычев [Кобычев В.П. Старинные культовые сооружения Северного Кавказа как источник по истории жилища края // Полевые исследования института этнографии. М., 1977. С. 77] и многие другие исследователи. Его рисунки боевой башни «классической» – воув – в разрезе и плане, зарисовки надгробных стел и других сооружений, ценные полевые записи о легендарных ингуш-

ских строителях того или иного башенного комплекса, других преданий о строительстве стали хорошим подспорьем для многих исследователей, занимающихся средневековой архитектурой Кавказа и фольклором [Базоркин М.М. Памятники средневековья в горной Чечено-Ингушетии. Грозный. 1964; Чахкиев Д.Ю. Общие и специфические черты в башенном строительстве Чечено-Ингушетии и Северной Осетии // Культурные связи на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985. С. 104-105]. Многие рисунки и фотографии И.П. Щеблыкина представляют особую ценность, т.к. изображенные на них сооружения не сохранились. Например, несколько святилищ в горной Ингушетии, зарисованные и подробно описанные Щеблыкиным, такие как «Цейлом», святилище близ с. Джейрах, «Сеска-Солса» и некоторые другие уже не существуют. Сохранившиеся до наших дней памятники находятся в плачевном состоянии и требуют серьезных реставрационных работ.

С 1925 года до своей кончины И.П. Щеблыкин тесным образом был связан с Л.П. Семеновым, долгое время работавшим учёным секретарём Ингушского научно-исследовательского института. В составе его экспедиций И.П. Щеблыкин принимал участие в исследовательской работе в горных районах Ингушетии.

И.П. Щеблыкиным были написаны прекрасные статьи по итогам совместных с Л.П. Семеновым изысканий. Вместе с Л. Семёновым И. Щеблыкин исследовал памятники старины многих не только Ингушетии, но некоторых других регионов Кавказа, в том числе Северной Осетии, Кабарды, Грузии, Азербайджана, Армении. «Он был превосходным этнографом: изучал жилище, одежду, кустарные изделия, старинный быт и фольклор различных народов Кавказа. Записи его всегда сопровождались тщательно выполненными зарисовками, чертежами, фотографическими снимками. Как ученый, он отличался большой эрудицией; его наблюдения и обобщения были глубоко продуманы и обоснованы», – писал о нём Л. Семёнов [Семенов Л.П. Из истории работы музея... С. 11].

С 1927 года к группе исследователей, выезжавших в горы в составе экспедиции, присоединились ингушские художники Гази-Магомед Даурбеков и Хаджи-Бекир Ахриев, языковед Заурбек Мальсагов и Ахмед Шадиев. Вместе они собирали бесценные этнографические материалы, а художники Ингушетии вместе с Щерблыкиным создали альбомы с зарисовками основных памятников средневекового зодчества ингушей, в том числе зарисовки с образцами ингушских народных орнаментов. [Виноградов В.Б. Памяти вечная нить. Грозный, 1988. С. 113-114].

Надо отметить, что И.П. Щерблыкин очень красочно и тонко описывал ингушские народные орнаменты, мотивы войлочных ковров, рассказывал о технике изготовления ковров и особенностях цветовой гаммы. Со слов мастериц он записал названия некоторых растений, которые на сегодняшний день уже вышли из употребления в ингушском языке [Щерблыкин И.П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. Известия ИНИИК. Вып. 1. Владикавказ, 1928]. Один из описанных И.П. Щерблыкиным войлочных ковров из с. Фуртоут Горной Ингушетии мы видим среди зарисовок ингушских народных орнаментов, сделанных позже художником Г.М. Даурбековым.

Результаты экспедиций, проходивших в горах Ингушетии в 30-х гг. XX века, были опубликованы в 1963 году в книге «Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 годах». В записях журналиста, поэта, переводчика М.И. Слободского, участвовавшего в этой экспедиции, говорится, что «жители горных аулов охотно позировали художникам, помогали экспедиции, уважая труд людей, которые ищут потерянное время», то есть далекое прошлое, о котором помнили только древние старики». [См.: Дзарахова З.М.-Т. Мгновенье, запечатлевшее эпоху. Карабулак, 2009. С. 5].

Вызывает интерес «Путеводитель по Военно-Грузинской дороге», изданный И.П. Щерблыкиным. Книга включает общие сведения, описание Владикавказа, панорамы ближних гор, отдельных станций Военно-Грузинской дороги, экс-

курсий в окрестностях города и т.д. По отзывам Северо-Кавказского Института Краеведения, Экскурсионного бюро, данный «Путеводитель...» вообрал в себя «обновленные, систематически расположенные, конкретные сведения об экскурсионных маршрутах и являлся необходимым руководством для каждого туриста, посещающего Кавказ» [См.: Щеблыкин И.П. Путеводитель по Военно-Грузинской дороге. Владикавказ, 1925]. «Особую ценность данный путеводитель представлял не только своими описаниями, но и имеющимися в нем историческими сведениями, описаниями памятников старины, заметкам по геологии края», – писал Л.П. Семенов. [Семенов Л.П. Из истории работы музея краеведения... С. 9].

В 1928 году И.П. Щеблыкин был приглашен в Баку. После создания Азербайджанского филиала Академии наук он начал работу в институте имени Бакиханова, а также в Центральном управлении охраны памятников Азербайджана в должности старшего научного сотрудника, и в музее имени Низами. Он участвовал в ряде археологических раскопок и реставрационных работ [Дахкильгов Ш.Э. Труды И.П. Щеблыкина. www.ourbaku.com 1.11.2009 г.]. Работая в Баку, Щеблыкин опубликовал более 20 статей. В 1929 году Щеблыкин избирается членом Северо-Кавказского археологического комитета; в 1940г. был избран членом Ученого совета при Президиуме Академии архитектуры СССР.

В 1941 г. судьба вновь привела И.П. Щеблыкина в горную Ингушетию. Его внимание приковал храм Тхаба-Ерды. Было принято решение отреставрировать этот величественный храм. И.П. Щеблыкин взялся за эту работу. Но, не смотря на то, что вся документация и материалы были готовы, работу пришлось приостановить, так как началась война.

Кандидатскую диссертацию на тему «Архитектурные памятники Азербайджана эпохи Низами» И.П. Щеблыкин защитил в 1945 году. Он был полон идей, но внезапная смерть в 1947 году оборвала все его планы.

О нём, как Человеке и Учёном, мы можем сказать слова-

ми Л. Семёнова: «Иван Павлович был очень требователен к себе и отличался большой скромностью. Будучи глубоко преданным любимому делу, он отдавал ему всего себя» [Семенов Л.П. Из истории работы музея краеведения... С. 7].

Иван Павлович Щеблыкин внёс огромный вклад в ингушшеведение, кавказоведение, и тем он дорог нам всем.

И.П. Щеблыкин. Семейный архив Щеблыкиных. Материал Возняковой Ларисы – внучки брата Ивана Павловича Щеблыкина – Константина. Источник: www.ourbaku.com

И.П. Щеблыкин (в центре полулежит) в составе научной экспедиции в горах Ингушетии. 1928 г. (Фотография из личного архива Дзараховой З.М.-Т.)

О племени хамекитов из «Географии» Страбона

Н.Д. Кодзоев

Среди племен Северного Кавказа 1 в. до н.э. Страбон называет несколько племен, которые, по мнению некоторых ученых, имеют отношение к предкам ингушей. В книге IX-й своего труда, после рассказа об амазонках и гаргареях [28. С. 177-178], Страбон пишет: «Здесь живут некоторые троглодиты («пещерники». – *Авт.*), из-за холодов обитающие в звериных берлогах; но даже у них много ячменного хлеба. За троглодитами следуют хамекиты и так называемые полифаги («многоеды». – *Авт.*) и селения исадигов, которые еще в состоянии заниматься земледелием...» [28. С. 178-179].

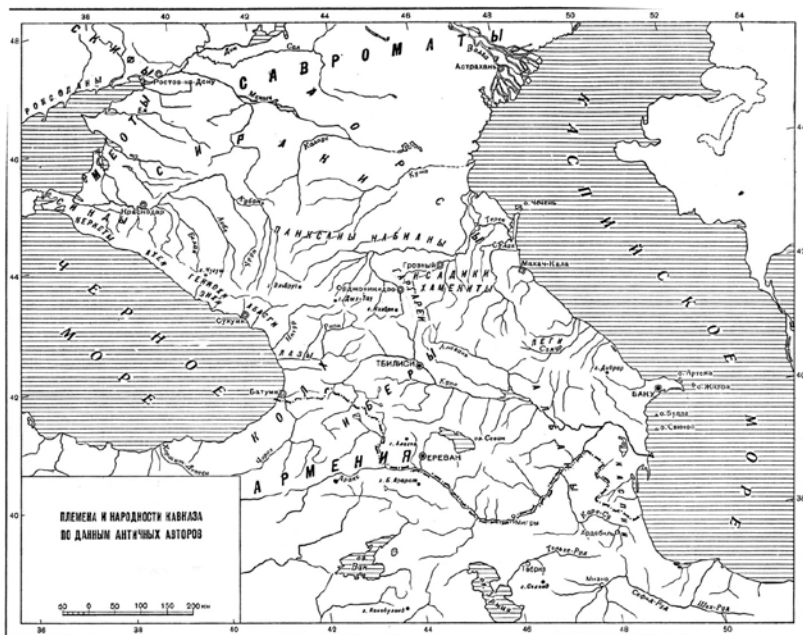
Отметим, что многие авторы отождествляют гаргареев // гаргаров с ингушами [4. С. 36-44; 6. С. 203; 12. С. 59; 13. С. 222; 19. С. 70-75; и др.].

По поводу сведений, приводимых Страбоном, Е.И. Крупнов в своем монументальном труде «Древняя история Северного Кавказа» об этих племенах пишет: «прежде всего, нет никаких данных сомневаться в том, что это местные кавказские племена. И судя по тому, что все эти племена отсутствуют в обычных перечнях народов, даваемых другими античными авторами применительно к северо-западному Кавказу и районам Прикаспия (например, Дионисием), с уверенностью можно полагать, что они обитали именно в центральных районах края, занимая преимущественно предгорья и нагорную зону Предкавказья, мало знакомую древним авторам... За последние годы в центральной части Северного Кавказа, в частности, и в Чечне и Ингушетии, открыта и научно исследована целая серия поселения и могильников (VI-IV вв. до н.э. и позднее), которые предположительно могут принадлежать названным Страбоном древним племенам» [19. С. 72-73].

На приведенной карте, составленной Е.И. Крупновым, названные племена, в том числе и хамекиты, расположены

именно на территории, принадлежавшей древнеингушским племенам.

Карта земель и народностей Кавказа по данным античных авторов, составленная Е.И. Крупновым [19. С. 71]

В изданной в 1971 г. монографии «Средневековая Ингушетия» Е.И. Крупнов уточнил свое мнение по поводу локализации страбоновских хамекитов: «Что касается другого древневайнахского этнонима, впервые упомянутого Страбоном – “хамекиты”, то В.Б. Виноградов и К.З. Чокаев, полемизируя со мной, оказались более правыми. Транскрибируя слово “хамекиты”, “хамхети”, как “страна хамхов”, они локализуют хамекитов не в Горной Чечне (как предполагал я), а в тех же верховьях Ассинского ущелья вблизи современного ингушского с. Хамхи» [21. С. 28].

Рядом с хамекитами Страбон отмечает неких пещерников – троглодитов. Имеются фольклорные сообщения, о

том, что в древности предки ингушей жили в пещерах. В одном из нартских сказаний говорится: «Давным – давно жил человек Солса. Люди жили тогда под землей в больших пещерах, выложенных камнем. Эти пещеры в некоторых местах сохранились до сих пор» [14. С. XX]. В.Б. Виноградов пишет по этому поводу: «Исходя из контекста сообщения Страбона, его «пещерники» живут вблизи исадиков и хакекитов, и где-то недалеко от нынешнего Дарьяльского прохода, т.е. скорее всего на территории Ингушетии» [2. С. 158].

Но, возможно, что под «троглодитами» («пещерниками») подразумевались некоторые древнедагестанские племена, жившие к востоку от р. Аргун – носителей каякентско-харочоевской культуры. В лакском языке пещера называется «нох», в аварском – «нохъо» и соответственно: в лакском «нохчу» – «пещерный человек», в аварском – «нохъодулав».

Известно, что территория нескольких юго-восточных районов Чечни в недавнем прошлом носила название Нохчий-мохк («Край нохчий»). В наше время «нохчий» – это этноним, покрывающий чеченский народ. Но, можно допустить, что в древности этот этноним имел отношение к некоторым дагестаноязычным племенам – пещерникам, жившим на этой территории. В последующие времена этноним «нохчу», став топонимом, закрепился за территорией, на которой проживали дагестанские «нохчу» – «пещерники». А в позднем средневековье – в XVI-XVII вв. этот этноним перешел на новых поселенцев этого края, прибывших сюда с запада – из-за Аргуна, принесших новый язык, с которыми перемещались местные «нохчу» («пещерники») [1; 29. С. 31-32, 132]. Исследователь А.Ф. Гольдштейн отмечал, что «в коренной Чечне умерших хоронили в коллективных семейных гробницах. В Ичкерии, куда чеченцы переселялись, начиная с XV века, почти нет гробниц; захоронения здесь одиночные... Напрашивается предположение, что восточная часть горной Чечни когда-то входила в общую с горным Дагестаном сферу культуры» [8. С. 215-216.].

В.Б. Виноградов в статье, написанной совместно с К.З. Чокаевым, конкретизировал свою точку зрения о локализации хамекитов и предложил соотносить этноним «хамекиты» с башенным поселением Хамхи. «Селение Хамхи, – пишут В.Б. Виноградов и К.З. Чокаев, – расположенное в верховьях реки Ассы, в живописном Ассинском ущелье, – один из наиболее крупных исторических центров Ингушетии. По твердой народной традиции, донесенной многочисленными преданиями, Хамхи вместе с соседними селениями Таргим и Эгикал считаются самыми древними поселениями предков ингушей... Оно (Хамхи. – *Авт.*) лежит на левом берегу Ассы, как бы посередине между селениями Таргим и Эгикал. Окрестности Хамхи представляют собой довольно большое равнинное плато, чрезвычайно удобное для земледелия, тогда как остальные два селения располагаются вплотную к лесистым взгорьям – склонам Ассинской котловины. Возможное доминирующее положение селения Хамхи в древности ретроспективно подтверждается хотя бы тем, что в мирной обстановке последних столетий, когда стратегические преимущества Таргима стали бесполезны и были утрачены, данный район приобретает своей центр в селении Хамхи и именуется Хамхинским обществом. Нам кажется вполне вероятным, что под этнонимом «хамекиты» скрывается древняя нахская (ингушская. – *Авт.*) родоплеменная группа с основным поселением, именуемым Хамхи. Вспомним, что, говоря о соседях хамекитов исадиках, Страбон упоминает и их селения. Очевидно, и хамекиты группировались вокруг своего центра – селения, название которого, по-видимому, легло в основу племенного имени» [5. С. 52-53].

Этой же точки зрения придерживаются и авторы первого тома «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР»: «Другой этноним – хамекиты – оказывается сопоставимым с названием одного из самых старинных мощных ингушских тейпов, одноименного своему центру – горному аулу Хамхи в Ассинском ущелье, причем информаторы Страбона, по-видимому, прибавили к его этническому на-

званию грузинское окончание, обозначающее местность, страну (-ети). В итоге получился термин «хамхети – хамхеты», обозначающее нахское население данного района Ингушетии... Античные авторы, и прежде всего Страбон, особенно подчеркивают оседло-земледельческий характер гаргареев, хамекитов и исадииков, что вполне соответствует нашим представлениям о быте и культуре аборигенных племен раннего железного века, но и скотоводство у них продолжало играть существенную роль» [27. С. 25].

Так же, как и авторы «Очерков истории ЧИАССР», В.Б. Виноградов и К.З. Чокаев считают окончание топонимов «-ти / -те / -тIе» грузинским. «Топонимика Грузии и соседних ей областей Кавказа дает бесчисленные примеры, когда от названия народа при помощи грузинского окончания -ет-и образовывалось название страны, области (Сван-ети-я, Хевсур-ети-и, Ос-ети-я, Туш-ети-я, Ингуш-ети-я и т.д.). По этому принципу местность обитания племени с центром в селении Хамхи, естественно должна называться грузинами Хамх-ети («Страна хамхов»). Туземцы этого района жили в Хамхети, грузинские купцы шли по перевальной тропе в Хамхети, дружественные отряды воинов приходили на помощь Иберии из Хамхети. На вопрос любознательного географа, чьи земли находятся за перевалом на севере, по соседству с местом обитания «пещерников», мог следовать ответ: Хамхети («Страна хамхов»). Отсюда только один шаг до появления в сочинении Страбона «вторичного» этнонима, а вернее – названия страны, осмысленного далеким от тонкостей кавказских языков автором как племенное имя. Теперь сходство терминов едва ли не полное, за исключением вполне допустимых инверсионных и ассимиляционных изменений (Хамхети → хамхеты → хамекты → хамекиты) [5. С. 54-55].

Соглашаясь с вышеприведенным мнением авторов «Очерков истории ЧИАССР» и В.Б. Виноградова с К.З. Чокаевым, необходимо сделать замечание: топонимическое окончание «-ти / -те / -тIе» не только грузинское, но и исконно ингушское. Многие топонимы на территории Ингу-

шети в горах и на плоскости имеют это окончание (Кашете, Горете, Мохте, Сурхоте, Алхасте и т.д.).

В.Б. Виноградов и К.З. Чокаев отметили, что «в непосредственном соседстве с селением Хамхи (в 5-6 км к востоку) есть селение Амхети, название которого передает фактически то же самое наименование местности Хамхети с вполне естественной утерей лишь первого глухого звука. В соседней Хевсуретии также есть селение и район с очень близким названием – Хахматы» [5. С. 55. Прим. 1]. Допустимо, что хамекиты в I тыс. до н.э. занимали намного бóльшую территорию, выходящую далеко за пределы территории башенного поселения Хамхи.

В «Армянской географии» Моисея Хоренского (VII в.) в списке народов, живущих на Кавказе, названы «хечматаки» [30. С. 35]. Возможно, что «хечматаки» – это искаженное «хамекиты». В таком случае, этноним «хамекиты» фиксируется древними авторами на протяжении довольно долгого времени – с I в. до н. э. до VII в. н. э.

Племя хамекитов относилось к племенам кобанской культуры (вторая половина II тыс. – конец I тыс. до н.э.).

Именно с племенами кобанской культуры принято увязывать этногенез древних ингушей. В письменных грузинских источниках, описывающих события этого периода, древние ингуши (племена кобанской культуры) известны под этнонимами «кавказионы» и «дзурдзуки» [25. С. 22-25], которые в научной литературе признаны предками ингушей. И граница расселения кавказионов и дзурдзуков грузинских источников – от Андийского хребта на востоке до мест проживания адыгских племен – соответствует границам расселения носителей кобанской культуры.

В античных источниках (Лукиан Самосатский, Клавдий Элиан) племена кобанской культуры именуются махли (махлийцы, махалы) [9; 22. С. 608; 24. С. 307]. Часть кобанцев, проживавших на плоскости в бассейне рек Терек и Сунжи, Страбон называет гаргареями [28. С. 477-478]. Этноним «гаргарей» многие исследователи выводят из ингушского слова «гаргар» – «близкий, родственник» [4. С. 36-44;

5. С. 64-70; 19. С. 70-75]. Слово «гар» также в ингушском языке означает «род, ответвление рода».

На всей территории проживания кобанских племен исследователями обнаружен пласт ингушских топонимов [5. С. 64-70; 22. С. 221]. «Установлено, что на всей территории Центрального Кавказа – от Приэльбрусья на западе до Андийского хребта и междуречья Сунжи и Аргуна на востоке – присутствует множество топонимических названий, объяснимых только на вайнахских языках, элементы топонимобразования которых не встречаются ни одном языке кавказской семьи» [9. С. 10].

Племена кобанской культуры, по мнению ряда исследователей, являлись нахосычными [18. С. 56-82; 19. С. 70-75; 20. С. 317; 3. С. 305, 310-311; 17; 26. С. 9 и др.]. «Почти полное совпадение взаимодополняющих и контролирующих друг друга свидетельств смежных наук о проживании древних нахских племен на территории распространения позднекобанской культуры дает основание прийти к выводу, к которому уже вплотную подошли советские археологи, что носителями данной археологической культуры являлись протовайнахские племена, ...составляющие единую этническую общность в пределах данной культуры» [9. С. 11].

Во второй половине I тыс. до н.э. кобанские племена создали крупное политическое объединение племен, известное по античным источникам под названием Малх (Махли, Махелония), по грузинским источникам – под названием Дзурдзукети [10. С. 9-10], и которое занимало территорию от Приэльбрусья и реки Малки на западе до подножия Андийского хребта и междуречья Сунжи и Аргуна на востоке. Дзурдзукетия (Махелония) занимала не только территорию, расположенную к северу от Дарьяла, но и значительную часть территории Восточной Грузии [11. С. 46; 7; 31. С. 41; 32. С. 16]. На востоке это государственное образование граничило с Албанией. «По надписи III в. персидского царя Шапура I на Кааба-и-Зардушт Кавказская Албания упоминается рядом с Махелонией., находящейся по обе стороны Главного Кавказского хребта, рядом с тушинами» [15. С. 129].

Союз древнеингушских племен (Махелония // Дзурдзу-

кетия) представлял грозную силу для того времени [8. С. 12]. Видимо, именно этим следует объяснять политическое влияние предков ингушей (дзурдзуков) на Картли, имевшее место на заре ее государственности (III в. до н. э.).

Литература:

1. Айтберов Т.М. Аваро-чеченские правители из династии Турловых и их правовые памятники XVII в. – Махачкала, 2006.
2. Виноградов В.Б. Сарматы северо-восточного Кавказа. – Грозный, 1963.
3. Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. – Грозный, 1972.
4. Виноградов В.Б. Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона // Известия СКНЦ ВШ. – 1975. – Общественные науки. – №4.
5. Виноградов В.В., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // АЭС. – Грозный, 1966.
6. Гамрекели В.Н. О племени двалов // Материалы по этнографии Грузии. – IX. – Тбилиси, 1957.
7. Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I-XV вв. н. э. – Тбилиси, 1961.
8. Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. – М., 1977.
9. Гумба Г.Д. Расселение вайнахских племен по «Ашхарацуйцу» («Армянская география» VII в.). Автореферат дисс. – Ереван, 1988
10. Гумба Г.Д. Об одном общенахском этнониме второй половины первого тыс. до н.э. // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1990.
11. Джавахишвили И.А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи // ВДИ. – №41. – 1939.
12. Дьяконов И.М. Рецензия на работу Г.А. Меликиш-

вили «Древневосточные материалы по истории народов Закавказья // ВДИ. – 1946. – №2.

13. Ельницкий Л.А. Комментарии к переизданию «Известий древних авторов о Скифии и Кавказе» В.В. Латышева // ВДИ. – 1947. – №4.

14. Живописная Россия. – Т. XIV. – СПб., 1896.

15. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. – Т. 1. – М., 2004.

16. История Ингушетии. (Отв. ред. Н.Д. Кодзоев). – 4-е изд. – Ростов-на-Дону, 2013.

17. Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. – Вып. 2-5. – Т. 1. – М., 1977.

18. Крупнов Е.И. О происхождении и датировке Кобанской культуры // СА. – 1957. – №1.

19. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960.

20. Крупнов Е.И. Заключительное слово на сессии по проблеме этногенеза // Происхождение осетинского народа. – Орджоникидзе, 1967.

21. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. – М., 1971.

22. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. – Владикавказ, 1992.

23. Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – Т.1. – СПб., 1893-1900.

24. Лукиан. Избранное. – М., 1996.

25. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. – М., 1979.

26. Мужухоев М.Б. Ингуши. – Саратов, 1995.

27. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. – Т. 1. – Грозный, 1967.

28. Страбон. География в 17 книгах. – М., 1994.

29. Труды Ф.И. Горепекина. (Сост. М.М.-С. Албогачиева-Гадаборшева). – СПб.-Магас, 2006.

30. Хоренский Моисей. Армянская география VII в. – СПб., 1877.

31. Шавхелашвили А.И. Из истории взаимоотношений

между грузинским и чечено-ингушским народами. – Грозный, 1963.

32. Эланидзе В.А. Вопросы истории Тушети. – Тбилиси, 1988.

К вопросу о названиях лир из «царских гробниц» Ура

Б.А. Хайров

При раскопках на месте древнего шумерского города Ур Объединенной экспедицией Британского музея и Пенсильванского университета под руководством Леонардо Вулли в конце 20-х годов XX столетия был обнаружен грандиозный некрополь, часть которого составляет комплекс «царских гробниц» (Вулли Л. Ур халдеев. М.: 1961).

По выражению Н.Ф. Боровской, «в изучении культурного наследия Шумера Раннединастического Периода (XXVI-XXIV вв. до н.э.) памятники из «царских гробниц» в Уре занимают важное место. Обширное собрание вещей, разнообразных по характеру и назначению, создает достаточно глубокое представление об особенностях исторической и духовной жизни того времени» (Боровская Н.Ф. *Лирь из «царских гробниц» Ура как памятники шумерской культуры раннединастического периода // ВДИ (Вестник древней истории), №4(223). 1997. С.3).*

По мнению того же автора, «самыми интересными и сложными из них можно считать лиры – музыкальные инструменты, обнаруженные в трех захоронениях из шестнадцати» (Боровская Н.Ф. Указ. соч. С.3).

Экспедиции Л. Вулли удалось спасти пять музыкальных инструментов. Трех из них были присвоены индивидуальные названия – «золотая лира» (U. 12353), «серебряная лира» (U.12354), «серебряная лира-ладья» (U. 12355) (Боровская Н.Ф. Указ. соч. С. 3).

Для наших исследований важно отметить, что «в урских гробницах представлены два типа инструментов: 1) прямоугольный резонатор сочетается с двумя колонками и перекладной, вместе образующими трапецию; на торце резонатора расположены голова быка (или коровы) и инкрустационная композиция. Таковы лиры U. 12353, U. 12354, U. 10412, U. 10556; 2) инструмент имеет две колонки и перекладину, но форма резонатора напоминает малень-

кую изящную ладью; возле передней колонки помещена фигурка оленя, иконографически близкая знаменитой золотой статуэтке «козел в зарослях» (Боровская Н.Ф. Указ. соч. С. 6).

«Сложность и большая религиозная значимость семантики, высокий художественный уровень соединяются со столь высоким уровнем технического устройства, и это делает инструменты из Ура поистине уникальной частью культурного наследия древней Месопотамии» (Боровская Н.Ф. Указ. соч. С.13).

Наши же исследования связаны с названиями этих музыкальных инструментов и в основном относятся к области лингвистики. Суть исследований в том, что «шумерское слово *giš ZÁ.MÍ* (отсюда аккад. *sammûm*) – «лира» – без детерминатива переводится как «хвалебный», что указывает на предназначение лиры для сопровождения панегирических гимнов и песен. Они представляли собой специальный жанр с тем же названием – *ZÁ.MÍ*» (Боровская Н.Ф. Указ. соч. С.10).

В шумерском тексте, приводимом И.Т. Каневой, *za-mi* тоже переводится как «хвала» (Канева И.Т. Шумерский язык. СПб.: 2006. С.107). В третьем источнике этот термин интерпретируется как гимн-восхваление, (по)хвала; (Тенгиз Гудава. До и после Библии. Шумеро-русский словарь. Ч. I. / dictionary.html).

Это значение термина для нас является основополагающим, но оно не было исходным, как будет показано ниже.

По мнению В.В. Емельянова, термин *za-mi* является сложным словом, содержащим в своем составе *ME* (суть, бытие): *za3-ME* (букв. «сила *ME*» или «территория *ME*», обычный перевод – «хвалебная песнь»). В.В. Емельянов считает, что «в старошумерских текстах из Абу-Сальябиха (современное название городка близ Нишпура, шумерское имя которого неизвестно) и в царских надписях из Лагаша (*GABW.* 365) присутствует только *za3-ME*, в более поздних – *za3-mi2*. Чтобы прочесть здесь *ME* как */mi/*, исследователи приписали этому знаку значение *mi3*. Но это явно искусственное

чтение. Мы понимаем сочетание za3-ME как «сила ME» и исходим из значения ZA3=en_qu «сила, мощь». Также должен был называться и музыкальный инструмент, славящий ME богов» (Емельянов В.В. Категория ME в старошумерских и саргоновских текстах // ВДИ 2003. №1. С. 75).

Мы придерживаемся чтения этого шумерского термина, предложенного здесь В.В. Емельяновым, но, тем не менее, по некоторым соображениям будем следовать общепринятой традиции правописания.

Для целей нашего доклада мы используем перевод термина za-mi «хвалебная песнь». По мнению В. Афанасьевой, к «хвалебным песням» шумеры относили произведения, называемые ныне «и гимном, и мифологическим эпосом, и героической песнью» (Афанасьева В. Литература Шумера и Вавилонии // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: 1973. С. 120, 666).

Таким образом, исходя из нескольких значений этого шумерского термина, мы располагаем возможностью последовательно, хронологически расположить эти самые значения. Итак, шумерское слово za-mi первоначально означает «хвала» (в свою очередь, как мы сказали выше, слово это обязано происхождением архаическому словосочетанию za3-ME – «сила ME»). По мере того, как осложнялся религиозный ритуал, хвалебные гимны божествам и героям сложились как отдельный жанр и термин za-mi принимает новое значение «хвалебная песнь». И, наконец, ввиду того, что со временем хвалебные гимны стали сопровождаться инструментальной музыкой, это слово перешло на музыкальный инструмент.

По мнению В. В. Емельянова, одним из многих понятий ME является «слава». «Слава» объекта нуждается в прославлении, отсюда и хвалебные песнопения (Емельянов В. В. Указ. соч. С. 83).

Своеобразие нанесения на глиняную табличку шумерских литературных текстов породило письменную традицию отделять тексты друг от друга колофоном. Колофон указывал на принадлежность текста к одному из известных

родов. Так, гимнические тексты – гимны богам, храмам, царям или героям – имели колофонную формулу *за-ми-дуг* «(Такому-то) хвала сладка!». Мы видим, что письменная традиция способствовала появлению нового понятия, отличного от исходной формулы *за-ми* «хвала».

Как это ни странно, но выясняется, что трапециевидная форма лиры способствовала сложению некоторых шумеро-аккадских математических терминов. Выше мы отмечали, что Л. Вулли, исходя из их конструкции, разделил лиры из гробниц на два типа, первый из которых имеет форму трапеции. «Он предположил, что резонатор трапециевидной лиры – это схематическое изображение туловища лежащего быка». Замечание Вулли подтверждается анализом изображений лиры на печатях и рельефах и математическими терминами, обнаруженными А.Д. Килмер «в старовавилонском тексте А3553, который включает в себя список коэффициентов геометрических фигур:

1) аккадск. *hasis sammim*, шумер. *GEŠTU. ZÁ.MÍ*, букв. “ухо лиры” и обозначает трапецию;

2) аккадск. *apsamikkum*, шумер. *AB. ZÁ-MÍ*, букв. “корова лиры” и относится к вогнутой поверхности;

3) аккадск. *pūt alrim*, шумер. *SAG.KI.GUD*, дословно “лоб быка” – связано опять же с понятием трапеции. По мнению А.Д. Килмер, оно также обязано своим происхождением лире, хотя слово “лира” – *sammim* (шумер. *giš ZÁ-MÍ*) – в нем и не употребляется» (Боровская Н.Ф. Указ. соч. С.5,6).

В обиходе ингушского языка существует слово «за́ме» – шафер, участник или участница свадебной процессии. Термин во множественном числе образует форму «за́ме-ш», под которым ныне понимается свадебная процессия в целом.

Этот термин получил распространение в некоторых нахско-дагестанских языках и сближение, усмотренное лингвистами, вполне вероятно: лезгинск. *śam*, табасаранск. *zám* «жених»; лакск. (с метатезой) *maśa* «родственник»; аварск. *maž-ik̄* (с аналогичной метатезой) «троюродный

брат»; чеч. *zamō*, инг. *zame* «шафер» (Дьяконов И. М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. М.: 1988. №96. С. 183).

Появление личного имени Замо, засвидетельствованное в ингушском предании, и связанный с этим именем микро-топоним Замо́й гIала – «башня Замо́я» следует, на наш взгляд, связать с понятием *zame*, *zamo* – шафер.

Кроме того, сохранился своеобразный фольклорный жанр хвалебных свадебных песен «зами илли» (илли – песня, или сказание). Эта песня обычно исполнялась молодыми участниками свадебной процессии со стороны жениха в доме родителей невесты. Смысл этого песнопения заключался в том, что певицы со стороны жениха всячески восхваляли достоинство жениха, а певицы со стороны невесты – ее красоту и нежность.

Таким образом, выходит, что хвалебная песнь «*za-mi*» Гильгамешу в поэме «Послы Аки...» у шумеров и хвалебная песнь «*зами илли*» жениху и невесте у ингушей, имеют лексическое и семантическое тождество. Более того, они относятся к одному и тому же литературному жанру.

Название еще одного музыкального инструмента – «*bala*» (*bala(g)*) в точности совпадает с названием жанра погребальной песни или плача. Хотя первоначально термин «балаг» – арфа в литературных текстах часто употребляется для обозначения барабана. Песня «балаг» исполнялась под музыкальный инструмент балаг и являлась ритуальным плачем о всенародном бедствии (Афанасьева В. К. От начала начал. Антология шумерской поэзии. СПб.: 1997. С. 433, 440). Здесь улавливается та же закономерность возникновения новых названий, связанных с назначением инструмента, о которой мы говорили выше. Любопытно совпадение названия шумерской погребальной песни «*bala(g)*» на формальном уровне с ингушским словом *бала* – «горе, беда, невзгоды», «мука, страдание». Вряд ли приведенные нами лексические совпадения можно назвать случайными.

В ходе войны между городами Уммой и Лагашем, кото-

рая длилась два года, были разорены и разрушены все общины и храмы, лежащие на границе с Уммой. В это время сложился «Плач по Лагашу».

В 2024 г. до н. э., в период царствования Ибби-Суэна, пятого и последнего царя могущественной третьей династии Ура, государство третьей династии Ура было разгромлено эламитами и аморреями. Город Ур был разрушен. Этим периодом датируется создание плача о разрушении города Ура «Он покинул свое стойло...», состоящий из десяти песен.

Кроме названных нами, в шумерских письменных памятниках различных эпох упоминаются многочисленные названия музыкальных инструментов и песенных жанров. Мы здесь излагаем далеко не полный их перечень: *гусилим*, *лилис* (тамбурин или большой медный барабан), *уб* (вид барабанов), *меси* (мези) (род литавров), *шир* (флейта), *балаг* (арфа или барабан), *пукку* (барабан), *тиги* ($ti-gi_4$ – гонг в виде медной полусферы, обтянутой телячьей кожей), *шем* (свирель), *миритум*, *адаб* (струнный инструмент), *алгар*, *ала*. На название последнего мы обратили внимание по той причине, что в лексике шумерского музыкального искусства мы находим очень похожее на него слово *аллари* – «песня радости» (Крамер С. История начинается в Шумере. М.: 1991. С. 111, 214; Емельянов В. В. Ритуал в древней Месопотамии. СПб.: 2003. С. 268, 270, 271; Афанасьева В. К. От начала начал. Антология шумерской поэзии. СПб.: 1997. С. 433, 163).

Основная же причина, привлекавшая наше внимание и побудившая нас взяться за сравнительный анализ обозначенных шумерских музыкальных терминов, это их соответствие на формальном уровне ингушскому слову *áла* – сказать, произносить, молвить, вымолвить, выразить, выговорить; *алар* – сказать, сказание. К примеру *илли áла* – петь (букв. песню сказать), где *илли* песня (эпическая, героическая или сказание; самостоятельный песенный жанр); *илли-алар* – песнопение. [Ср.: шумерское $i-lu$: песня, плач, погребальная песнь; $i-lu...du_{11}/e$: петь погребальную песню; du_{11} : *сущ.* речь) (Тенгиз Гудава. Шумеро-русский словарь.

Ч.1/dictionary.html. Электронная версия). Чуть ниже мы опять вернемся к этой проблеме.

Что же касается шумерских терминов, мы предполагаем, что термин *аллари* генетически связан с названием музыкального инструмента *ала*. Здесь можно усмотреть тот же принцип усложнения семантики термина, какой мы видели в рассмотренном нами шумерском термине *za-mi*, т. е. процесс перехода названия песенного жанра на название музыкального инструмента. Разница лишь в том, что здесь название музыкального инструмента приходится признать исходным. В связи с этим важно отметить и другое обстоятельство, где шумерские песенные жанры *шир-гид-да* «длинная песнь», *шир-нам-ур-сага* «песнь в честь судьбы героя», *шир-ра-нам-ен-на* (*šir-ra-nam-en-na*) или *шир-ре-нам-нир-ра* (*šir-re-nam-nir-ra*) «песня господства», «песнь шир-суд», сопровождаемые аккомпанементом на флейте *шир*, своим происхождением опять-таки обязаны названию флейты (см.: Емельянов В. В. Указ. соч. С. 268, 277; Т. Гудава. Шумеро-русский словарь. Ч.2 / dictionary2. html. Электронная версия). Само же название флейты, видимо, происходит от шумерского слова *šir...áa*: петь; кричать, плакать (*š*; *šur*: *суц.* песня; плач). [Ср.: цезские языки: инхокваринск., квантладинск. шору, хваршинск. шойру, гинухск. шуршатІу – «флейта»; даргинские языки: губденск. шетІ, мегебск. шетІ дукІани, мекегинс. шятІ, хайдакск. сирситІан, агульск. суьретІ – «флейта» (Бернард Комри, М. Халилов. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. Лейпциг-Махачкала: 2010. С. 783). Я бы сюда добавил и инг. шедол(г) – «свирель».]

Что касается исторической этимологии ингушского *áла* и его соответствий в нахских и других языках, то мы располагаем прекрасным сравнительным анализом, произведенным в свое время Ю.Д. Дешериевым: урартск. *ali*, бацб. *альо*, чеч. *ол-а* (< *ал-о*), инг. *оал* (< *ал-о*) – «говорит»; ср. еще чеч., инг. *ал(а)*, бацб. *аль(а)* – «скажи, прикажи». По признанию Ю. Дешериева, указанные формы восходят к исходной основе *ал-* (ср. чеч., инг. *ал(а)*, бацб. *аль* – «скажи, говори, прикажи,

повелевай» (Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. М.: 2006. С. 49, 52-53; 136-137). [Ср.: цезские языки: инховаринск., квантладинск., хваршинск. *mla*; цезск.-мококск., цезск.-сагадинск. *mla* – «сказать» (Бернард Комри, М. Халилов. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. Лейпциг-Махачкала: 2010. С. 765).]

И.М. Дьяконовым и С.А. Старостиным также было выявлено сближение нахского термина *ála* с термином ХУ **xill-*: хурр. *xill* «говорить» в хуррито-урартских языках: (Дьяконов И.М., Старостин С. А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: Этнокультурные связи. М.:1988. С. 187).

Согласно С.А. Старостину, северокавказские языки вместе с енисейскими и тибето-китайскими принадлежат к сино-кавказской макросемье языков. В этом направлении автором был произведен сравнительный анализ исследуемого нами термина и полученные им результаты напрямую связаны с нашим исследованием: «сказать» ПБК **ʔiLLV*, ПСТ **lǎ* (где знак *ʔ* обозначает звук [ʔ] ингушского алфавита или арабск. «Айн»; *V* – любой гласный звук) (Старостин С.А. Гипотеза о генетических связях сино-тибетских языков с енисейскими и северокавказскими языками // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М.: 2007. С. 271. №47).

В этом свете для нас также важны исследования отечественного ученого В. И. Анучина в области языка енисейских народов, проведенные в начале XX столетия. Мы находим слог автора своеобразным и слишком сложным для переложения и потому излагаем текст дословно в авторском варианте. Итак, по сведениям В. И. Анучина, «понятие «шамань» енисейцы выражают словом *сэниң*, «шаманка» – *сэним*... Шаман шаманит = *сэниң дүџһот*. В понятии *дүџһот* (прошедшее совершенное будет *дильһот*) есть некоторый намек на пение; песня = *ил*; повелительное наклонение: шаман = *илһот!* – что одновременно значит *пой* (петь), хотя шаманская песня называется *кут* (Анучин В.И. Очерк

шаманства у енисейских остяков // Сборник Музея Антропологии и Этнографии при Императорской Академии Наук. Т. II. 2. СПб.: 1914. С. 23).

Обратим внимание на слова *il`* «песня» и *il`hot* «пой (петь)».

Бросается в глаза, что хуррито-урартское *xill* «говорить» и кетское (устар. остяцкое) *il`* «песня» несколько ближе к ингушскому и чеченскому *илли* «эпическая, героическая песня», «сказание», чем к общенахскому ал(а) «сказать», «говорить». Очевидно, что оба термина имеют единый консонантный корень [л] и, вероятнее всего, нахские слова *ала*, *илли* развились из единого корня.

Расхождение трех подгрупп (севернокавказской, сино-тибетской и енисейской) сино-кавказской семьи С.А. Старостиным приблизительно датируется IX-VIII тысячелетиями до н.э. (распад прасевернокавказского и прасинотибетского соответственно датируется IV-VI тыс. до н.э.) (Старостин С.А. Указ. соч. С. 282). Так как присутствие исследуемого нами термина засвидетельствовано во всех подгруппах северокавказской семьи до их расхождения, мы вправе говорить об очень глубокой древности исследуемого нами термина.

Само имя города, в котором были обнаружены лиры, и с которых мы начали свою речь, имеет параллели в ингушском языке.

Общепринятое название города Ур (Ури, Урим (URIM₂) – другое написание имени этого города»; в библейском тексте также передается как Урим) восходит к шумерскому *uru* (*uru*₂(ki) – «поселение, город, округ»; «община» (Канева И.Т. Шумерский язык. СПб.: 2006. С. 26, 35-38). По мнению И. М. Дьяконова, во времена, когда еще не было терминологического различия между «городом» и «деревней», шумерский термин *uru-bar(a)* обозначал тогда еще не «деревню», а «временное становище пастухов и охотников» (Дьяконов И. М. Проблемы вавилонского города II тыс. до н.э. (По материалам города Ура) // Древний Восток. Города и торговля (III-II тыс. до н.э.). Ереван: 1973. С. 32). Термины ингушского языка *урд* «надел, участок пахотной земли»,

а также *урам* «улица» восходят к шумерскому *uru*. Данный этимологический процесс был представлен нами ранее (Хайров Б. К вопросу исторической этимологии наименований некоторых шумерских городов» // История и культура Ингушетии. Вып. 1. Назрань: 2013. С.72-74; Хайров Б. Некоторые страницы из истории ингушей. (На ингушском языке) // Сборник «Вопросы истории Ингушетии». Выпуск VIII. Магас: 2011. С. 160-161).

Город Ур величался «городом Нанны» по имени шумерского бога луны и времени Нанны, главного божества этого города. Нанна – он «свет, блеск, венец Ура». Ему было посвящено святилище Экишнугаль в Уре. Второй важный культовый центр бога Нанны – в Харране, на севере Двуречья. Нанне поклонялись во всем Шумере. До нас дошло множество молитв, обращенных к этому богу, и хвалебных гимнов в его честь.

Священным животным бога луны Нанны был бык, рога которого образуют полумесяц; один из наиболее распространенных эпитетов Нанны – «бык с лазуритовой бородой». Скульптурные золотые головы быков с лазуритовой бородой и рогами украшали резонаторы лир (мы о них упоминали выше). Как известно, бык – животное, обладающее громким голосом. Поэтому с ревом быка шумеры сравнивали звуки музыкальных инструментов (особенно струнных), гул реки в половодье, зычный голос правителя (Емельянов В. В. Древний Шумер. Очерки культуры. СПб.: 2001. С. 249). Имена шумерских божеств Нанна и Инанна восходят к ингушскому *nana* – «мать». Данный этимологический процесс был также представлен нами ранее (Хайров Б. Некоторые страницы из истории ингушей. (На ингушском языке) // Вопросы истории Ингушетии. Вып. VIII. Магас, 2011. С. 178; он же: К вопросу исторической этимологии наименований некоторых шумерских городов // История и культура Ингушетии. Вып. 1. Назрань, 2013. С. 84-85; он же: О некоторых именах из припевов грузинских народных песен. Рукописный вариант).

Обычай сопровождать погребения воинов струнными

музыкальными инструментами «дахчан-пандараш», подобно погребениям в гробницах Ура, отмечен в наземных склепах горной Ингушетии. Так, при раскопках в башнеобразном склепе горного селения Эгикал Л. П. Семеновым были зафиксированы погребения двух воинов XVII-XVIII вв. Помимо комплекса вооружения (мисюрка, щиты, боевые топоры, сабля, боевые ножи, луки со стрелами) в погребальный инвентарь усопших входило два музыкальных инструмента «дахчан-пандараш». По словам археолога, один инструмент «представляет выдающийся интерес, так как на обратной его стороне сделан резной рисунок линейного типа, изображающий охоту на оленя; тематически этот рисунок сходен с фреской на наружной стороне юго-западной стены того же склепа» (Семенов Л. П. Склеп с фресками в ингушском селении Эгикал // Известия НИИ-ИЯЛ. Т. 2. вып. 1. С. 48, 49, 52). [В этой связи примечательно, что возле передней колонки «серебряной лиры-ладьи» или «лиры-ладьи» (У. 12355) из гробницы Ура помещена фигурка оленя (см.: Боровская Н.Ф. Указ. соч. С. 5)].

Аналогичный музыкальный инструмент входил в состав богатого погребального инвентаря (кольчатый панцирь, шлем, налокотники, сабля, боевой нож, лук и стрелы) ингушского воина XVI-XVII вв. из наземного склепа Фалханского некрополя. Помимо набора воинского снаряжения, «дахчан-пандар» был отмечен и в воинском захоронении XVII-XVIII вв. в наземной усыпальнице у села Эрзи (Джабраилова И.Ш., Чахкиев Д.Ю. Музыкальные инструменты в воинских захоронениях 16-18 вв. горной Ингушетии // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986-1990 гг.). Грозный, 1991, С. 34, 35).

По сведениям И.Ш. Джабраиловой и Д.Ю. Чахкиева, «эпизодические находки подобных музыкальных инструментов в уже разграбленных местных наземных коллективных склепах, также наряду с разнообразными предметами вооружения, были известны В.Ф. Миллеру, Л.П. Семенову, Е.И. Крупнову, В.Б. Виноградову, М.Б. Мужухоеву» (Джабраилова И.Ш., Чахкиев Д.Ю. Указ. соч. С. 35).

Далее, как сообщают И.Ш. Джабраилова и Д.Ю. Чахкиев, «в прошлом в местных боевых отрядах или ратном ополчении довольно часто находился воин-певец «илланча» (от *илли* – «героическая песня», «сказание»), умело слагавший и исполнявший традиционные песни (обычно героического содержания), и подобным образом вдохновлявший соплеменников на стойкость, мужество и победу. Обычно непосредственно перед началом сражения, а порой и в самый драматический, критический момент боя, он воодушевлял воинов (особенно молодых) эмоциональным исполнением наиболее ярких героико-эпических песен предков» (Джабраилова И.Ш., Чахкиев Д.Ю. Указ. соч. С. 35).

По мнению Р.М. Мунчаева «несомненно, в настоящее время, то, что через приморский Дагестан пролегал важнейший путь проникновения переднеазиатских этнокультурных влияний в центральные и западные районы Северного Кавказа. Именно результатом этих влияний стало формирование на данной территории феномена майкопской культуры». Далее, считает Р.М. Мунчаев, «можно констатировать, что накопленный к настоящему времени археологический материал позволяет с достаточной очевидностью, установить весьма тесные связи Восточного Кавказа с Ближним Востоком в 4-3 тыс. до н.э. и довольно активные этнокультурные влияния, в частности Месопотамии на Восточное Закавказье, Дагестан и Серный Кавказ в целом» (Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., Магомедов Р.Г. Восточный Кавказ и проблема кавказско-месопотамских связей в 4-3 тыс. до н.э. // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала: 2010. С. 321).

Итак, подводя итоги, мы можем констатировать, во-первых, удивительное соответствие шумерских терминов *за-ми*, *бала*, *ала*//*аллари* ингушским терминам «*заме*», «*бала*», «*ала*». Во-вторых, удивительное сходство традиций погребальных обрядов, которое выражается в сопровождении усопших музыкальными инструментами. В-третьих, совпадение названия шумерского города, где были обнаружены музыкальные инструменты – *Ур*, с терминами *урд*

- надел, участок пахотной земли и урам - улица в ингушском языке. В-четвертых, полное созвучие имени шумерского бога луны Нанна с ингушским нана - «мать».

Эти лексические параллели недвусмысленно свидетельствуют о глубоких генетических связях культуры кавказских народов с культурой древних государств, и, в первую очередь, Шумера. Данный доклад нами рассматривается всего лишь как введение в проблему, приглашение к дискуссии и никоим образом не претендует на истину в последней инстанции.

**Центральный Кавказ по материалам археологии
и антропологии
(к вопросу этногенеза ингушей)**

Р.З. Сагов

Кавказ – один из древнейших очагов культуры человечества, один из древнейших центров металлургии, скотоводства и земледелия. Здесь рано возникли первобытные общества и общественные отношения. Кавказ богат памятниками материальной и духовной культуры.

Археология свидетельствует, что во время эпохи неолита и энеолита, к северу и югу от Главного Кавказского хребта, распространялись культуры со схожими чертами, с однотипными элементами. В конце энеолитической эпохи на большей части Северного Кавказа возникает культура, названная исследователями майкопской. «Е.И. Крупнов первый употребил термин «майкопская культура» еще в 1951 г. ... В итоге, к концу 1950-х годов памятники круга Майкопского кургана и новосвободненских гробниц получают надолго утвердившееся в литературе название «майкопской культуры», которое, по мнению Е.И. Крупнова, являлось синонимом понятия общности племен Предкавказья. Эта общность нашла отражение в близости их погребальных обрядов и инвентаря» [Крупнов, 1957, 67]. Позднее он конкретизировал свою позицию относительно формирования северо – восточного варианта общекавказского культурного единства. Он считал, что племена Кавказа эпохи ранней бронзы были едины антропологически, принадлежали к одной этнической среде и были носителями единого кавказского субстрата. К III тыс. до н.э. происходит распад единой общекавказской языковой общности, но до II тыс. до н.э. на Кавказе была единая этническая среда – носительница кавказского языкового субстрата [Крупнов, 1964, 39, 40, 41, 43].

Уже долгое время продолжаются дискуссии вокруг проблемы генезиса, этнической принадлежности носителей

майкопской культуры. Были высказаны различные мнения нескольких авторов по этому поводу [Марковин, 106-122, 153-157; Андреева, 122-125; Кореневский, 125-131; Мизиев, 131-137; Сафронов, 137-144; Чеченов, 144-153].

Но вследствие отсутствия убедительных доводов, версию В.А. Сафронова и Н.А. Николаевой о семитской миграции на Кавказ во второй половине III тыс. до н.э. была отклонена [Кореневский 2004, 9]. Здесь, надо отметить, что о необоснованности версии о семитском, индоевропейском происхождении носителей майкопской культуры ранее писал и Р.М. Мунчаев [Мунчаев 1994, 165].

По поводу высказывания ученых относительно различных версий происхождения носителей майкопской культуры совершенно верно высказался Р.М. Мунчаев, который пишет: «если резюмировать отмеченное, получается, что в эпоху ранней бронзы на Северном Кавказе обитали и тюрки, и семиты, и индоевропейцы, т.е. представители всех крупных языковых семей, кроме кавказской» [Мунчаев 1994, 165].

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем нередко в отношении древностей Центрального Кавказа, когда затрагиваются вопросы культуры и истории древнего населения региона, особенно его этногенеза. Следует сказать, что относительно Северо-Западного, равно и как Северо-Восточного Кавказа, для отечественной исторической науки картина более или менее ясная. Но как только речь заходит о Центральном Кавказе, все затуманивается и все уходит в «научные» дебри, в связи с неясностью и слабой освещенностью истории Центрального Кавказа.

В свое время Л.И. Лавров отмечал, что, «если вопрос об этногенезе вызывает споры, то для его решения обращаются обычно к разнообразным источникам: письменным, археологическим, антропологическим, лингвистическим, этнографическим, фольклорным и пр.». «Исследователь этногенеза может чувствовать себя уверенным лишь тогда, когда опорой ему служат хорошо датированные и этнически определенные факты» [Лавров 1978, 33].

В настоящее время исследователи все же приходят к выводу, что формирование майкопской культуры «происходило на основе местных позднеэнеолитических племен с участием мощного восточного компонента, особенно северо-месопотамского» (Нехаев А.А., 1990. С. 20.)» [Цит. По: Мунчаев, 1994, 164]. Данное утверждение основывается на сходстве керамических изделий обнаруживаемых в соответствующих комплексах, относящихся к позднему Уруку-Джемджет Насру в Северной Месопотамии, на севере Сирии и в Анатолии (конец IV – начало III тыс. до н.э.). [Мунчаев 1994, 158]. Речь не идет об общности культур Северного Кавказа и Ближнего Востока, но здесь наблюдается значительное сходство, в т.ч. и в погребальных традициях [Бетров 1996, 94].

Майкопская культура – это культура раннебронзовой эпохи Северного Кавказа, «представляющая собой один из ярчайших феноменов бронзового века Европы и всего евразийского пограничья» [Мунчаев 1994, 158].

Ряд исследователей, в том числе – В.И.Марковин, считают, что «северокавказская культура сложилась на основе предшествующей ей майкопской культуры и прошла в своем развитии три хронологических этапа: начало II-го тысячелетия – 1700 г. до н.э. – время сложения культуры; 1700 – 1500 г. до н.э. – период ее расцвета; 1500 г. – конец II-го тысячелетия до н.э. – время ее угасания, что совпадает с интенсивным наступлением степных племен с севера» [Мартинов 1973, 94]. Это культура скотоводов и земледельцев.

К середине III тыс. до н.э. – времени начала этапа развитой бронзы – майкопская культура, в большинстве районов (кроме зоны предгорий среднего течения р. Сунжи), исчезает. К концу III тыс. до н.э. на ее месте возникает т.н. «группа с триподами», которая частично участвует в формировании культур средней бронзы, в том числе – северокавказской. При этом племена позднего майкопа, наряду с представителями местных культур с элементами поздних энеолитических традиций, некоторое время продолжают сосуществовать с вновь возникшими культурами [Бурков,

75-76]. Современные исследования показывают, что в формировании этно – культурных общностей эпохи развитой бронзы на Северо – Восточном Кавказе, в том числе – в его предгорно – горной зоне, принимали участие и другие культуры, такие, как поздняя и пост – куро – аракская, сачхерская и катакомбная.

«Кавказ стал в это время ведущим центром металлургии и металлопроизводства даже для Восточной Европы. Сейчас установлено, что примерно до середины II тыс. до н.э. главным поставщиком металла для племен Северного Причерноморья и Поволжья был Северный Кавказ. На этой основе резко усилились взаимосвязи между населением Северного Кавказа и северными степными племенами, особенно с носителями, так называемой катакомбной культуры» [Ростунов 1984, 13].

Северокавказская культура существовала относительно недолго, но результатом его развития явилось возникновение новой культуры. По мнению А.И. Мартынова в ряде случаев она продолжала развиваться и переросла в своеобразную и удивительно яркую кобанскую культуру поздней бронзы, относящуюся к концу II – началу I тысячелетия до н.э. [Мартынов 1973, 94]. Более детально и убедительно этот процесс показан В.И. Козенковой, которая для начального этапа формирования культуры выделила древнейший этап Кобан I а, когда происходило синкретичное сращивание элементов северокавказских и закавказских культур, компоненты катакомбной и отдельные элементы культуры средней бронзы Центральной Европы. На этапе Кобан I б продолжает наблюдаться синкретизм культурных традиций, ведущие признаки культуры ещё неустойчивы. Они сформируются к стадии Кобан II – к середине XII –рубежу XI/X вв. до н.э. Для восточно – кобанских древностей это происходит на её I этапе (конец периода Кобан II – начало периода Кобан III – конец XI – первая половина X в. до н.э. Исследователь считает, что формирование кобанской культуры на южных и северных склонах Кавказа шло параллельно, что подтверждает мнение,

ранее высказанное Е.И. Крупновым [Козенкова, 92, 94-96, 130]. Ряд современных исследователей читает, что в предкобанское время в Предкавказье сложилось новое образование по сравнению с предыдущим массивом племён эпохи средней бронзы [Кореневский, Петренко, Романовская, 55]. По мнению В.Б. Виноградова в начале I тысячелетия до н.э. на Северном Кавказе господствовали три большие археологические культуры, отражающие зоны бытования различных родоплеменных групп (прикубанская, кобанская, каякентско-харачоевская). Из них две первые обнаруживают большое сходство друг с другом, в то время как каякентско-харачоевская культура стоит особняком и резко отличается от только что названных» [Виноградов 1963, 137].

Они соответствуют как трем языковым группам – абхазо-адыгской (Северо-Западный Кавказ), нахской (Центральный Кавказ) и дагестанской (Северо-Восточный Кавказ), – так и трем антропологическим типам народов Северного Кавказа – понтийскому, кавкасионскому и каспийскому.

Этнокультурный облик ингушей, прослеживается на Кавказе, как утверждают ученые, с древнейших времен [Крупнов 1971, 202; Мунчаев 1961, 164]. Р.М. Мунчаев пишет, что ингуши – автохтоны Кавказа, и их начальный этап формирования может быть связан с этно – культурными процессами, начиная с III тыс. до н.э. [Мунчаев 1961, 164].

В сою очередь, Е.И. Крупнов, В.И. Козенкова, М.Б. Мужухоев, С.Л. Дударев и другие, признавая носителей кобанской культуры в качестве основы для формирования, в том числе, предков ингушей, размещают их в пределах Центрального Кавказа [Дударев, 135-141; Козенкова, 2002, 19-24]. В то же время, В.Б. Техов считает, что кобанская культура принадлежит индо – иранским племенам – выходцам из Передней Азии и, в частности – киммерийцам [Техов, 15].

В связи с рассматриваемым вопросом большой интерес представляют высказывания ученых относительно нартского эпоса Северного Кавказа. Нартские сказания полу-

чили распространение среди народов, которые являются потомками тех же древних племен Кавказа – носителей указанных выше археологических культур.

Е.И. Крупнов утверждает, «...что первоначальными творцами замечательных нартских сказаний были носители» кобанской, прикубанской и колхидской культур, которые являются представителями иберийско-кавказской языковой семьи [Крупнов 1971].

Абхазский исследователь Г. Дж. Гумба, изучая Центральный Кавказ по древним письменным источникам, пришел к выводу, что «полное совпадение мест расселения древних нахских племен во второй половине I тыс. до н.э. с территорией распространения позднекобанской археологической культуры (Терско-Сунженский и Горные локальные варианты) дает основание придти к выводу, что носителями данной археологической культуры являлись протовайнахские (читай, протоингушские. – С.Р.) племена...» [Гумба, 1988, 5].

«По данным краниологического исследования, проведенного В.П. Алексеевым, народы Кавказа, у которых бытуют нартские сказания, фактически принадлежат к одному антропологическому типу – кавкасионскому» [Гутов 1993, 3]. Далее Гутов пишет, что «...понтийская группа популяций, представляет собой результат грацилизации того матуризованного протоморфного типа, который на Кавказе получил наименование кавкасионского...» [Гутов 1993, 3].

Антрополог В.П. Алексеев, изучая антропологические особенности народов Кавказа, одновременно обособляя центральнокавказскую историко-этнографическую область, утверждает, что «население, относящееся к кавкасионскому типу, следует рассматривать как реликт древнейших племен Кавказа, заселявших центральные предгорья Кавказского хребта, по-видимому, еще до эпохи бронзы – в эпоху неолита, а может быть, даже и верхнего палеолита» [Алексеев 1974, 196]. В свою очередь, известный антрополог В.В. Бунак на основе краниологических исследований пришел к заключению, что «среди ингушей этот собственный

кавказский (кавказионский, – С.Р.) тип сохранился более чем у кого-либо из других северокавказских народов» [См.: Крупнов 1971, 42].

В то же время необходимо отметить, что в постмонгольский период этническая карта Центрального Кавказа меняется. Здесь появляются новые этнокультурные субъекты, которые формируются на местном кавказском субстрате. По мнению В.А. Кузнецова, «кавказский этнический элемент, вошедший в качестве субстрата в этногенез осетин, был вайнахоязычным» (т.е. ингушским, – С.Р.) [См.: Эфендиев 1998, 34].

Данные антропологии подтверждают высказывания В.А. Кузнецова. «Имеющиеся данные заставляют признать, что та археологически выявляемая субстратная основа, на которой формировались антропологические особенности... осетин, представляла собой краниологический вариант, отличный от свойственного современным осетинам. Кроме того, особенности черепов из склепов Горной Осетии XVI-XVII вв. также не дают возможности связать их с современным населением Осетии» [Герасимова 1994, 53].

В.П. Алексеев, исходя из склепового материала Северной Осетии, отмечает, что эти краниологические серии полностью сходны с черепами балкарцев, ингушей и хевсуров [Герасимова 1994, 54]. Вопрос однотипности физического строения названных народов представляет большой интерес.

В соответствии с данными археологии ученые пришли к выводу, что аланская культура является закономерным звеном развития культуры, зародившейся в глубокой древности на Центральном Кавказе, т.е. она «своими корнями восходит к древней кобанской культуре» [Дидебулидзе 1983, 28]. Здесь небезынтересно отметить, как утверждают археологи, что границы распространения кобанской культуры совпадают с границами позднее возникшей здесь аланской культуры, даже границы локальных вариантов обеих культур.

В свое время академик П.С. Паллас, – как пишет Е.И.

Крупнов, – «высказал предположение, что ингушские племена «кисты» являются прямыми потомками «алан»» [Крупнов 1971, 39]. «Основанием для такого суждения было наличие в кистинском наречии ингушского языка понятия семибожия («Ардауда»), выражаемое аланскими словами «вар» (семь) и «дада» (отец) или «дела» (бог). Как известно из «Перишла Черного моря» анонимного автора V в. и Скимноса Хиосского, греческий город Феодосию таврические аланы называли «Ардабда» (т.е. «семибожный»)» [Крупнов 1971, 39]. У ингушей существует понятие «ворхледаьда» (буквально – семь отцов // семь прадедов, что означает предки до седьмого колена). Е.И. Крупнов, на наш взгляд, не случайно обратил внимание на это, хотя данный факт и не получил дальнейшего научного развития.

Повторяемость элементов археологических культур эпохи бронзы, раннего железа и средневековья на Центральном Кавказе не может быть случайностью, что позволяет говорить о преемственности древнейших культур Кавказа и о возможной генетической связи их носителей. Вероятно, происходило поэтапное преобразование, или, скажем, трансформация археологических культур Кавказа, которые существовали здесь, сменяя друг друга и сохраняя свои основные особенности, на протяжении тысячелетий.

Большой интерес представляют сведения античных авторов, Лукиана Самосатского и Клавдия Элиана, которые говорят, что во второй половине I тыс. до н.э. племена, проживавшие на Центральном Кавказе, были известны под названием «махли» // «махелоны» [Гумба 1988, 8]. В древнеармянских и древнегрузинских источниках они названы дзурдуками. В прошлом некоторые народы сваны ингушей называли малхуа, чеченцы – махлой, а осетины, ближайшие соседи ингушей, до сих пор их называют махалоны.

Таким образом, данные археологии, антропологические сведения, вкупе с письменными источниками, позволяют рассматривать ингушей как прямых потомков древних жителей Центрального Кавказа. «Из совокупности антро-

пологических, археологических, исторических, лингвистических и этнографических данных ...» мы можем сделать вывод, что ингуши имеют «давнее и сугубо местное происхождение» [Крупнов 1971, 57]. А географическую зону, или если выразиться словами Алексева, «центральнокавказскую историко-этнографическую область», следует считать как древнейшим очагом этногенеза ингушей, т.е. это – территория формирования ингушского этноса.

Список использованной литературы:

Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
Андреева М.В. Традиционные проблемы и новые пути их решения (несколько замечаний по поводу дискуссии об этнической принадлежности майкопской культуры) // СА, 1990 №4.

Бетров Р. Этническая история адыгов. Нальчик, 1996.

Бурков С.Б. Культурно-хронологическое положение погребений энеолита и МНО по данным курганной стратиграфии с территории предгорий Чечни // XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов международной конференции. Магас, 2010.

Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963.

Гумба Г.Дж. Расселение вайнахских племен по «Ашхарайцуйца» // Автореферат. Ереван, 1988.

Гутов А.М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М., 1993.

Герасимова М.М. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // Этнографическое обозрение, №3, М., 1994.

Дидебулидзе З.Ш. Культурные взаимосвязи народов Грузии и Центрального Предкавказья. Тбилиси, 1983.

Дударев С.Л. Еще раз об этнической принадлежности кобанской культуры // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А.Скорого. Киев-Полтава, 2009.

Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на

Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.

Козенкова В.И. Древние основы культурного наследия нахского этноса // культура Чечни. История и современные проблемы. М., 2002.

Корневский С.Н., Петренко В.Г., Романовская М.А. Работы Ставропольской экспедиции // КСИА, вып. 188. М., 1986.

Корневский С.Н. К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры // СА, 1990 №4.

Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М., 2004.

Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.

Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // СА, 1964, №1.

Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М., 1971.

Лавров Л.И. Проблемы этногенеза Кавказских горцев // Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.

Марковин В.И. Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (майкопская культура) // СА, 1990 №4.

Марковин В.И. Ответ на статьи, присланные в связи с дискуссией о майкопской культуре // СА, 1990 №4.

Мартынов А.И. Археология СССР. М., 1973.

Мизиев И.М. О создателях майкопской культуры // СА, 1990, №4.

Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, №100. М., 1961.

Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. Под общей редакцией академика Рыбакова Б.А. М., 1994.

Сафронов В.А. новые пути решения майкопской про-

блемы // СА, 1990 № 4.

Ростунов В.Л. К социальной интерпретации «рогатых кирпичей» раннебронзовой эпохи Северного Кавказа // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.

Техов Б.В. К этнической принадлежности создателей кобанской культуры Центрального Кавказа // От скифов – до осетин. Материалы по осетиноведению, вып. 1. М., 1994.

Чеченов И.М. К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа // СА, 1990, №4.

Эфендиев Ф.С. Национальное возрождение и национальная идея. Нальчик, 1998.

Сокращения

АЭС – Археолого-этнографический сборник

БСЭ – Большая советская энциклопедия

ВИ – Вопросы истории

ВООПиК – Всероссийское общество охраны памятников и культуры

ЗКВ – Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук

ИИМК – Институт истории материальной культуры

ИНИИК – Ингушский научно-исследовательский институт краеведения

ИЧИННИИ – Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института

КБИГН – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных наук

КБНИИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт наук

КСИА – Краткие сообщения института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры

МИАСК – Материалы по истории и археологии Север-

ного Кавказа.

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СКНЦВШ – Северо-Кавказский научный центр высшей школы

СОНИИ–Северо-Осетинскийнаучно-исследовательский институт

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания

ЧИНИИИЯЛ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

Сведения об авторах

Багаев Муса Харонович – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия и Чеченской Республики, Главный научный сотрудник Академии наук Чеченской Республики (г. Грозный).

Бурков Сергей Борисович – старший научный сотрудник отдела систематизации археологического материала ГБУ «Институт истории и археологии РСО-А», (г. Владикавказ).

Гадиев Умалат Бесланович – заместитель директора Археологического центра им. Е.И. Крупнова, старший научный сотрудник отдела истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева (г. Магас).

Джопуа Аркадий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Абхазского Института гуманитарных наук им. Д.И. Гулиа, директор Абхазского государственного музея (г. Сухум).

Дзаурова Танзила Абдул-Хамидовна – научный сотрудник отдела фольклора и этнографии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева, аспирантка Ингушского государственного университета (г. Магас).

Долгиева Марем Белановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Ингушского государственного университета, ведущий научный сотрудник отдела истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева (г. Магас).

Кодзоев Нурдин Даутович – заведующий отделом истории Ингушетии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева (г. Магас).

Матиев Магометбашир Адамович – кандидат филологических наук, доцент кафедры ингушской литературы и фольклора Ингушского государственного университета, заведующий отделом ингушского фольклора и этнографии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева (г. Магас).

Мунчаев Рауф Магомедович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Германского археологического института и Итальянского института Африки и Востока, научный советник РАН, заслуженный деятель науки РФ, Республики Дагестан и Республики Ингушетия, лауреат Государственной премии (г. Москва).

Нюшков Валентин Александрович – научный сотрудник отдела истории Абхазского Института гуманитарных наук им. Д.И. Гулиа, старший научный сотрудник отдела археологии Абхазского государственного музея (г. Сухум).

Сагов Руслан Закриевич – старший научный сотрудник отдела этнологии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева (г. Магас).

Хайров Байали Абукарович – старший научный сотрудник отдела этнографии Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Ахриева (г. Магас).

Содержание:

<i>Мунчаев Р.М.</i> Е.И. Крупнов – выдающийся российский кавказовед (к 110-летию со дня рождения) _____	7
<i>Дзарахова З.М.-Т.</i> Е.И. Крупнов в истории научной жизни Ингушетии _____	19
<i>Долгиева М.Б.</i> Евгений Игнатьевич Крупнов (1904-1970 гг.) _____	22
<i>Багаев М.Х.</i> Кавказовед Евгений Игнатьевич Крупнов _____	25
<i>Бурков С.Б.</i> Личность Е.И. Крупнова в научных, научно-популярных изданиях и СМИ (вопросы историографии) _____	30
<i>Матиев М.А.</i> Вклад Е.И. Крупнова в изучение ингушского фольклора _____	62
<i>Джопуа А.И., Ньюшков В.А.</i> Вклад учеников Е.И. Крупнова в изучении археологии Абхазии _____	66
<i>Гадиев У.Б.</i> Е.И. Крупнов и христианские памятники Ингушетии _____	72
<i>Дзаурова Т.А.-Х.</i> И.П. Щерблыкин и его исследования на Кавказе _____	74
<i>Кодзоев Н.Д.</i> О племени хамекитов из «Географии» Страбона _____	80
<i>Хайров Б.А.</i> К вопросу о названиях лир из «царских гробниц» Ура _____	90
<i>Сагов Р.З.</i> Центральный Кавказ по материалам археологии и антропологии (к вопросу этногенеза ингушей) _____	103
Сокращения _____	113
Сведения об авторах _____	114

Северокавказское издательство МИЛ
Лицензия № 064550.

Кисловодск, ул. Тельмана, 29. Тел. 2-78-76

Сдано в набор 1.12.2014 г., подписано в печать 12.12.2014 г.

Формат 148x21. Гарнитура Book Antiqua.

Бумага книжно-журнальная. Усл. печ. л. 7,25. Тираж 300 экз.